

**ВИКИ
БАУМ**

**ЧЕГО
МУЖЧИНЫ
НЕ ЗНАЮТ**

Женский роман

Вики Баум

Чего мужчины не знают

«СОЮЗ»

1933

Баум В.

Чего мужчины не знают / В. Баум — «СОЮЗ»,
1933 — (Женский роман)

ISBN 978-5-6050125-4-2

Когда один момент меняет всё ... Вечер вторника. Где-то в Берлине танцуют, веселятся и шумят. Только что закончился чемпионат по теннису, самое время отметить победу. И посреди этого праздника жизни трое: американский бизнесмен Франк, жена члена окружного суда – Эвелин и ее супруг Курт. Нас ждет рассказ о пяти днях из жизни этих людей. Каждый день будет рассказан с точки зрения каждого из трех главных героев. Эвелин надоело быть домохозяйкой и матерью рядом со своим трезвомыслящим мужем, который уделяет больше времени судебным разбирательствам, чем жене. Когда она знакомится с молодым американцем Франком ее охватывает страсть, и она погружается в головокружительный роман. Она следует за Франком в Париж на выходные – и тем самым ставит под угрозу все: свой брак, свою семью, репутацию. Но испытывает ли к ней такие же сильные чувства Франк? Да, он с нетерпением ждет приезда Эвелин в Париж, но похоже его больше занимают переговоры с французскими деловыми партнерами, которые идут не так, как было запланировано заранее. Неужели Эвелин – это просто приятное времяпрепровождение между переговорами и подписанием контракта? А как же муж? Он настолько погружен в свои судебные процессы, что кажется не особо расстроен отсутствием любимой супруги. Тем более рядом с ним Марианна, такая яркая, умная и решительная. Полная противоположность его тихой и незаметной жене. Не пропустите захватывающий психологический роман автора мирового бестселлера «Гранд отель» – Вики Баум.

ISBN 978-5-6050125-4-2

© Байм В., 1933

© СОЮЗ, 1933

Содержание

1. Вторник. Он	7
2. Вторник. Она	14
3. Вторник. Муж	24
4. Среда. Он	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вики Баум

Чего мужчины не знают

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

1. Вторник. Он

В середине танца Франк взглянул на свои ручные часы.

– Еще двадцать минут, – сказал он.

Он почувствовал, как ее легкое тело вдруг отяжелело у него на руке, только на секунду, потом сразу снова стало легким.

– Правда? – сказала она помолчав. – Он с улыбкой посмотрел на нее. Она была гораздо ниже его. Женщины всегда были ниже его с того дня, как он перерос свою мать. Волосы Эвелины плыли в воздухе ниже его губ. У нее были белокурые волосы, пепельно-белокурые, с тем матовым блеском, что напоминал жемчуг, естественно, а не искусственно блестящие. В ней не было ничего искусственного. Она была не очень хорошо одета, не очень хорошо подгримирована. Она держала голову опустив ее вниз и танцевала серьезно, стараясь точно следовать каждому его движению и повторять его.

Она что-то сказала, но он не разобрал ее слов, так как именно в этот момент маленький оркестр сильно увлекся саксофоном. Она повторила свои слова.

– Еще двадцать минут, а потом вы уедете, и я никогда больше не увижу вас.

«Как сентиментальны эти немки», – подумал Франк. Но он был влюблен в Эвелину, а потому ничего не имел против того, чтобы она была сентиментальна. Но на это нечего было ответить. Он плотнее прижал ее к себе. Маленький кусочек кожи, который он ощущал под ладонью своей правой руки, обнимавшей ее спину над вырезом низко декольтированного на спине платья, был прохладен. Ее правая рука, которую он держал в своей левой, была горяча. Была жаркая ночь. Маленькая танцевальная зала – поверхностно элегантная, белая с золотом была слишком нагрета. Был один из тех неожиданных, капризных майских вечеров, когда стоит совершенно летняя жара, но еще цветут яблони.

Когда Франк прижал ее к себе, она подняла голову и взглянула на него. Он был заново очарован мечтательной беспомощностью ее лица.

– Дорогая, – сказал он. – Дорогая!

– Дорогая! – шепнула она.

Он не говорил по-немецки, но она говорила по-английски. Она говорила на очень правильном английском языке, которому, весьма возможно, научилась в каком-нибудь пансионе. Неожиданно Франка охватило яростное недовольство самим собой. «Я скомкал все дело – с досадой подумал он. Я был слишком медлителен, слишком осторожен, слишком... я не знаю, что». Он старался отыскать слово, чтобы определить странную осторожность, с которой он подходил к Эвелине, и не мог найти его. Это могло быть чем-то и было ничем. Прошло, и его не стало. Из двадцати минут прошло уже пять. Несколько поцелуев в такси. Слезы, блеснувшие на глазах Эвелины. Да, настоящие слезы. А в десять сорок пять уходил поезд в Париж. Очень хорошо, может быть это было лучше для нее.

– Вы как один из пакетиков, на которых написано «Осторожно хрупкое» сверху, снизу и со всех сторон, – сказал он наконец, закончив свои размышления. Танец закончился, и Эвелина на минуту еще застыла у него в объятиях, прежде чем высвободилась из них. Он смахнул легкий след пудры с отворота своего смокинга. Это был маленький, автоматический жест. Танцевало около двадцати пар слишком много для размеров комнаты, Франку действовало на нервы присутствие других людей. Взяв Эвелину под локоть, он вывел ее из комнаты на террасу.

Снаружи в воздухе чувствовался запах маленького озера, около которого стоял клуб, наполовину сладкий, наполовину горьковатый запах тростников, в стоячей воде.

– Совсем как в Южной Каролине, – сказал он, когда они подошли к балюстраде.

– Что? – удивленно спросила она.

– Ничего... просто запах. Вы любите охотиться на диких уток?

– Нет, – ответила она улыбаясь. Ее рот остался приоткрытым в изумлении. На террасе тоже были люди и лампочки под яркими абажурами. Женщины обмахивались салфеточками.

– Хэлло, Франк! – окликнул тощий молодой человек, один из американских теннисистов, участвовавших в берлинском турнире.

– Хэлло, Джордж! – сказал Франк.

– Ты действительно уезжаешь сегодня ночью в Париж?

– Да, к несчастью. Более чем пора.

– Не можешь ли ты приехать на следующей неделе в Антиб? Там будут Паскали и Сутерленды тоже. Тогда мы все могли бы отправиться на «Иль де Франс».

– Когда?

– О, семнадцатого из Шербурга.

– Слишком поздно. Я должен ехать на «Берентарии» в эту субботу.

– Фу, как неприятно. Будешь ты в июне в Нью-Йорке?... Постарайся приехать в Вестпорт. Всего лучшего.

– Тебе того же самого, – сказал Франк и подтолкнул Эвелин, направляя ее дальше. Она стояла с улыбкой на лице и в тоже время выглядела так, как будто каждую минуту могла упасть в обморок. Франк торопливо взглянул на часы.

– Сколько еще осталось? – спросила Эвелина.

Он не ответил. Вместо ответа он взял ее под руку и улыбнулся.

– Не взглянем ли мы еще раз на нашу теннисную площадку? – спросил он. Она подобрала платье, чтобы спуститься по ступенькам, и послушно последовала за ним. Лежавшие внизу теннисные площадки белели в свете прожекторов, но теперь никто не играл на них. «Наша теннисная площадка» – это была та площадка, на которой Франк познакомился с Эвелиной восемь дней тому назад.

Неделю тому назад Джордж затащил его в клуб, пообещав, что у берлинских девушек гораздо лучшие фигуры, чем обычно предполагают, и что они лучше говорят по-английски, чем девушки Нью-Йорка. Его слова оправдались – до известной степени. Лучшая теннисистка клуба была красивой женщиной, так и излучавшей здоровье и хорошее настроение. Она с первого взгляда пришлась по душе Франку, и он также с первого взгляда пришелся ей по душе, после чего они рассмеялись, как два заговорщика. Затем его познакомили с другой женщиной, у которой был глубокий грудной голос и прекрасные загорелые голые ноги, как будто обтянутые коричневым шелком. Ее звали Марианной. У обеих в игре был совершенно убийственный удар. Франк не любил играть с людьми, которые играли лучше него – это портило его настроение. Марианна одолжила ему одну из своих ракеток, показавшуюся ему слишком легкой, и устроила ему сингл со своей приятельницей Эвелиной.

Игра Эвелины была очень неровна. Она извинилась, сказав, что взволнована.

– Что вас взволновало? – спросил он, подавая ей очень легкий мяч, но не получил ответа. Он старался поддаваться, чтобы она выиграла, но она заметила это и не отбила мяча. Он увидел ее лицо только после игры, когда она сняла пикейный козырек, защищавший ее глаза. Оно показалось ему необычайно выразительным, и минуту он продолжал рассматривать его в молчании. Ему внезапно пришло в голову, что лица большинства женщин, которых он знал, были сделаны из фарфора, и что лицо Эвелины было из какого-то другого, гораздо более живого вещества.

И так все началось с любопытства, как всегда начинаются авантюры мужчин, – с вопросов: «Что представляет собой эта женщина? Какова она, когда ее целуют, когда она сдается?» У Эвелины были губы очень красивой формы, не накрашенные, бледно-кораллового цвета.

– Если кто-нибудь воспользуется случаем и поцелует вас, он не выпачкается по уши красной краской, – сказал Франк.

Эвелина взглянула на него так, как будто бы не понимала по-английски.

У нее были длинные, очень длинные ресницы того-же тускло-серебристого тона, что и волосы. Эти светлые ресницы придавали ее лицу сонное выражение. Когда Франк поцеловал ее в первый раз, он был ошеломлен горячностью ее ответа. Он был ошеломлен страстью, смешанной с какой-то странной невинностью и даже неуклюжестью. Казалось, что ее плотно сжатый, бледный, трепещущий рот не понимал, чего от него хотят. Он не открывался, не покорялся. Она сама также не покорялась. Сомкнутые глаза, сомкнутые губы, сжатые кулаки, спазматическая, молчаливая дрожь – во всем этом было что-то новое. И Франк решил влюбиться. Это случилось пять дней тому назад, в такси. Потом был маленький послеобеденный прием у Марианны, где-то за городом, где у нее был удивительно маленький и весело выглядевший домик. Красные двери, синие оконные рамы, алюминиевая мебель, слабые, чуть-чуть тепловатые коктейли и Эвелина в голубом полотняном платье, которое проявляло стремление соскальзывать с ее плеч. Франк ответил на это приглашением на коктейль в «Адлон». На устроенной им «коктейль-пати» впервые появился муж Эвелины. Он сразу же понравился Франку. Это был мужчина лет тридцати пяти. У него была худощавая эластичная фигура и дружелюбные, хотя и немного рассеянные, глубоко посаженные глаза. С первого взгляда было ясно, что Дросте – джентльмен, но так как он не говорил по-английски, Франк не далеко ушел с ним. Присутствие симпатичного и очаровательного мужа Эвелины не позволяло Франку оказывать ей больше внимания, чем другим присутствовавшим дамам. На следующее утро около девяти часов она позвонила ему, чтобы спросить, не сердится ли он на нее.

– Сержусь? Что вы хотите сказать? – ответил он, рассмеявшись в удивлении.

Она не отвечая повесила трубку. А теперь был последний вечер, у него было еще двенадцать минут времени три уже прошло, и они стояли на теннисной площадке в резком свете прожекторов, около которых вились, стучаясь о стекло мохнатыми головками, ночные бабочки.

– Надеюсь, вы хорошо доедете, – вежливо сказала Эвелина.

– Уверен, что да. Я напишу вам из Парижа. – Он знал что женщины обожают получать письма.

– Нет, пожалуйста, не пишите.

– Не писать? Почему нет?

– Потому что я хочу покоя. – сказала Эвелина.

Это звучало не очень вежливо, но может быть она неправильно выразилась. Ей не всегда легко было объясниться по-английски. Она в ожидании посмотрела на него.

– Что, все американцы такие, как вы? – спросила она.

– В каком смысле?

– Такие прекрасные.

Она сказала, прекрасные вместо, красивые и это рассмешило его.

– Нет, само собой я – совершенство красоты на всю Америку, ответил он очень серьезным тоном и тут же расхохотался. – Но во всяком случае у вашего мужа очень хорошая внешность, вежливо прибавил он.

– Да, – ответила Эвелина.

Они в молчании вышли из света прожекторов и пошли к озеру по усыпанным гравием дорожкам, лежавшим между тщательно подстриженными лужайками. У берега квакали лягушки. Тут было совсем темно, видна была лишь дорожка, которая вела дальше, на луга. В домах на противоположном берегу озера светились огоньки. На лежавшем под ними озере раздавались какие-то собственные звуки: плеск весел, подавленный смех, журчанье воды.

– Они плавают в темноте, сказала Эвелина.

Он внезапно заметил, что она дрожит, до тех пор он не обращал на это внимания.

– Вам холодно?

– Нет.

Теперь они были под ивами, на самом берегу. Он протянул руки в темноту и молча обнял ее. Он снова был поражен пылкостью ее ответа. Американки и даже француженки были совсем другими. У него чуть-чуть закружилась голова, когда ее рот наконец открылся под его губами. Он выпустил ее и оглянулся, – он не любил целоваться стоя. Теперь его глаза уже привыкли к окружающей темноте, и он мог разглядеть очертания маленькой купальни он, чувствовал запах свежей краски, дегтя, воды. Он потянул Эвелину в сторону купальни и ощупью нашарил задвижку. Она открылась, ржаво щелкнув. Внутри было душно и совершенно темно. Франк подвел Эвелину к узкой скамье. Он целовал ее как одержимый и сам удивлялся себе, чувствуя биение собственного сердца. Рука Эвелины скользнула под его смокинг и легла на колотившееся сердце. «Совсем, как Лидия», – подумал он в полузабытьи... Лидия, девушка с оливковой кожей и черными выющимися волосами, горничная в доме его деда в Новом Орлеане, была его первым приключением. Ни в одном из своих многочисленных любовных похождениях он не мог найти примитивного очарования первого, полного сознания вины, запретного объятия. Страстная наивность Эвелины напомнила ему сейчас об этом. Он сделал неловкое движение, и рука Эвелины исчезла с его бешено бьющегося сердца.

– Теперь вы должны идти, – сказала Эвелина, находившаяся на расстоянии, где-то в темноте.

– Невозможно – как я могу уйти теперь от вас, – ответил он еле дыша.

Он подождал, но Эвелина молчала и не возвращалась к нему. Теперь он услышал, как ровно капала где-то вода. «Может быть здесь, на стене висят мокрые купальные костюмы», – подумал он вполне разумно. Эвелина шарилась по стене, ища задвижку.

– Послушайте! – сказал он задыхаясь, поезжайте со мной в Париж. Хотите? Пожалуйста... вы должны.

– Но это совершенно невозможно.

– Почему? Париж так близко. Вы можете вернуться на аэроплане...

Эвелина открыла дверь. Бледное мерцание весеннего неба наполнило прорез двери. Лицо Эвелины было как бледное пятно в темноте.

– Leb' wohl – сказала она по-немецки.

Он пригладил волосы и механически смахнул пудру с лацкана. Буря, поднявшаяся в его крови, утихла глубокими, медленными толчками, она отливала у него от сердца. Он поглядел на светящийся циферблат своих ручных часов. Вытащив сигаретку, он закурил ее и, при свете спички, яснее разглядел время.

– О, Господи, – пробормотал он и последовал за Эвелиной.

– Идите вперед, – сказала она, закрывая за ним дверь.

Он погладил ее по голове. Его охватила жалость к ней. У нее был такой трогательный вид в ее беленьком платьице, и она так улыбалась. Он хотел было снова обнять ее, но она высвободилась и подтолкнула его вперед по узкой дорожке. Перед ними был клуб, снова раздавалась танцевальная музыка. Теперь в маленькой зале, которую они пересекли, танцевало лишь несколько пар. Франк кивком головы попрощался с несколькими людьми, с которыми познакомился за это время. Он попытался взглянуть на себя в одно из стенных зеркал, мимо которых они проходили. Он не был совершенно уверен, не растрепаны ли его волосы. Эвелина выглядела спокойно и сонно, ничто не выдавало маленькую сцену, только что разыгравшуюся в купальне. Франк впервые заметил, что у нее есть несколько веснушек. Она была бледнее обычного. Ее рот казался больше и глаза темнее.

– Мистер Данел хочет попрощаться с тобой, – сказала она, остановившись за стулом своего мужа в карточной комнате.

Дросте сразу положил карты и вежливо встал, стараясь подыскать правильное английское выражение, чтобы попрощаться.

– Auf Wiedersehen, – сказал Франк, пустив в ход два из пяти немецких слов, которые он знал, и пожал Дросте руку.

Один из четверых игроков в бридж, казалось, был раздосадован помехой. Это был старый джентльмен с остренькой белой бородкой. Франк посочувствовал ему.

– Кто отвезет Данеля на вокзал? – осведомилась Марианна, стоявшая в углу со стаканом оранжада.

– Я возьму такси и доеду до Шарлоттенбурга.

– Глупости. Я довезу вас, – сказала Марианна.

– Но, между прочим, времени терять нельзя.

– Тогда живей. Пронто, пронто! Бежим! Поедешь с нами, детка?

– Не знаю, – прошептала Эвелина и пристально посмотрела на мужа.

Ее рука лежала на спинке его стула, а он весь погрузился в разглядывание своих карт.

– Ландсгерихтсрат не возражает. Идем, Данел. Мы едем.

Автомобиль Марианны, сердитый, фыркающий маленький зверек, стоял на усыпанной гравием аллее около клуба. Они втиснулись в него, Франк между обеими женщинами. У Марианны были острые, резкие духи. Франк осторожно вдохнул их.

– Детка выглядит совсем усталой, – сказала Марианна глубоким, решительным голосом.

Автомобиль катился уже дребезжа мимо фонарей Грюневальда.

– Вы утомили Эвелину. Ей вреден американский темп.

– Глупости, Марианна, – отозвалась Эвелина из своего угла.

– Может быть она утаила от вас, что с ней нужно обращаться осторожно. Ей трудно далось рождение младенца. С тех пор она все еще не совсем оправилась и у ландсгерихтерата есть основание беспокоиться.

– У вас есть ребенок? – с удивлением спросил Франк.

Эвелина только кивнула в ответ, и Марианна ответила за нее.

– Двое. Двое диких, всеразрушающих буяна, которых я просто обожаю. Она завернула за угол.

– Я обращался с фрау Дросте с величайшей осторожностью, не так ли, – сказал Франк.

Его рука была протянута за спиной Эвелины, чтобы в маленьком автомобильчике было больше места. Его мысли перескочили с детей Эвелины, на ее мужа.

– Каким это удивительным титулом вы величаете господина Дросте, спросил он.

– Ландсгерихтерат, сэр. В этой стране это означает род верховного судьи. Дросте один из самых молодых среди них. Он восходящее светило, и перед ним блестящая карьера.

Франк не нашелся, что ответить на это. Рука Эвелины украдкой приблизилась к нему и легла в его руку.

– Какая жалость, что вы должны были уехать так скоро, – сказала Марианна. Что заставляет вас так торопиться в Париж?

– О, обычная вещь дела.

– Что за дела, разрешите спросить? Может быть вы один из тех знаменитых магнатов индустрии, о которых читаешь такие удивительные истории в газетах? – спросила Марианна.

Франк не мог удержаться от смеха.

– Далеко от этого. Я торгую апельсинами. Но я не люблю говорить с дамами о делах.

И он тихонько пожал руку Эвелине.

– Дела единственное, что интересно в мужчинах, – заявила Марианна.

Она сама была архитектором и с головой ушла в свою профессию. Она остановила автомобиль так неожиданно, что Франк чуть не свалился с сиденья. Эвелина выпустила его руку. Она не вымолвила ни одного слова. Он быстро взглянул на часы на маленьком здании вокзала – у него еще было шесть минут. Эвелина выкарабкалась из автомобиля, Франк последовал за

ней. Полицейский знаком велел им проезжать и сзади загудело такси. Марианна втащила Эвелину обратно в автомобиль. Если я не отъеду, сию минуту начнется скандал.

– Прощайте, Данел. Веселитесь в Париже и всяческого успеха в делах! – крикнула Марианна. – Мы не можем проводить вас до вагона. В наших вечерних туалетах мы вызвали бы сенсацию. Закрой дверцу, Эвелина.

Дверца все еще была открыта. Франк протянул руку в автомобиль. Шофер такси начал ругаться и в дело вмешался человек, у которого был вид чиновника. Последнее впечатление Франка от Эвелины было, что у нее холодная как лед рука, не ответившая на его пожатие. Маленький автомобильчик кашлянул и отъехал. Франк вытащил билет и быстро вошел в здание вокзала. Он распорядился о том, чтобы его багаж был уложен в купе на конечной станции, а сам сел здесь, на пригородной станции потому, что она была ближе к клубу, и так он мог выиграть лишнего полчаса с Эвелиной. Теперь было кончено и это. Внутри вокзал был освещен тем болезненно-желтым светом, который делает все вокзалы всего мира такими унылыми местами. Франку указали лестницу, ведущую на платформу. Лица всех людей, ожидавших поезда, выглядели землисто – бледными. Они уставились на Франка так, как будто человек в смокинге был совершенно невиданным зрелищем для этой станции. Все кругом пахло влажной землей и травой, и Франк решил, что только германская станция может так пахнуть. Железнодорожный откос был покрыт высокой травой, а по обе стороны насыпи был небольшой сад. Франк, охваченный чувством нетерпения и неудовлетворенности, расхаживал взад и вперед. Внезапно он почувствовал, что он устал. Его рот открылся в большом, широком зевке. И тут подошел поезд.

Он нашел свое купе и оглядел его с улыбкой. Отельный портье сделал свое дело, багаж был здесь, постель была приготовлена. «Теперь прежде всего – спать», – подумал он. Он принадлежал к тем счастливым людям, которые крепко спят в поездах. Он вынул из несесера то, что ему нужно было на ночь: каждая вещь пахла лавандой. Очевидно он, как обычно, небрежно завинтил флакон с лавандовой водой, которую употреблял после бритья. В купе был собственный маленький умывальник, который был полон воды, когда Франк окончил умываться. Несмотря на желанную холодную воду, он все-же испытывал то же неудовлетворение и сам не мог объяснить почему. Все вместе взятое заставляло его только радоваться тому, что он покидает Берлин. Здесь он был чужим, в то время как в Париже чувствовал себя дома. Во рту у него держался чудесный свежий вкус его полоскания для зубов, но от этого ему не становилось легче. Он попробовал улучшить свое настроение сигареткой. Нет, это тоже было бесполезно. Сделав усилие, он сумел отодвинуть в сторону штору и выглянуть в окно. Поезд шел через сосновый лес. Далеко позади ясное небо расстилалось над огнями Берлина. Франк лег на узкую кушетку, поиграл электрическими выключателями и подsunул под голову свою маленькую кожаную дорожную сумку.

Удобно устроившись он потянулся за портфелем и достал несколько бумаг. Интервью с Фаррером. Он был вполне уверен в Фаррере, французы понимали цифры. Они действовали на основании цифр, а не на основании рекламы. С Гобеном из палаты синдиката фруктово-импортеров будет труднее справиться, Франк закрыл глаза и произвел точный расчет. Если он сможет продавать на два, цента за ящик ниже чем испанцы, он заключит сделку. Вынув из портфеля вечное перо, он начал набрасывать на полях листа бумаги внушительные по своим размерам цифры. Он должен был сообразить как заплатить высокую французскую пошлину и в тоже время продавать ниже своих конкурентов. Он вслух бормотал цифры.

Поезд дернувшись остановился, подождал минуту-другую, опять дернулся и отправился в путь. Франк почувствовал, что слишком хочет спать для того, чтобы разбираться в цифрах. Спрятав бумаги, он погасил свет. Снаружи, в коридоре, два голоса вели на одной ноте бесконечный разговор по-немецки. Ну-с – сонно подумал Франк, таков был Берлин.

Цифры, круги, сетки замелькали перед его закрытыми глазами. «Эвелина» – подумал он и снова его охватило жгучее неудовлетворение. Все его нервы были натянуты настолько, что, казалось, стягивалась даже его кожа. Он затаил дыхание и попытался представить себе лицо Эвелины. Перед его сомкнутыми глазами появлялись всевозможные лица, какие только он встречал во время своего пребывания в Берлине: Марианна, юрист из союза фруктоводчиков, портье отеля Адлон, мальчик, подбиравший теннисные мячи в клубе, полицейский, стоявший перед вокзалом. Лица, голоса, цифры, звуки все это соединилось для того, чтобы образовать калейдоскоп большого города. Но среди них не было Эвелины. Она ускользала из его памяти. Как жарко было в купальне. На секунду его мускулы напряглись и снова ослабели. «Надеюсь, что завтра Марион не потащит меня сразу же в один из этих ужасных французских театров, подумал он и немедленно заснул».

2. Вторник. Она

Среди танца Франк взглянул на свои ручные часы.

– Еще двадцать минут, – сказал он.

С минуту Эвелина ничего не видела. Вся комната поплыла у нее перед глазами. «Это как смерть», – тупо подумала она. В течение трех дней она как казни ждала минуты, когда Франк покинет ее. Она еще не осмеливалась подумать о том, каково будет, когда Франк уедет, и все кончится. «Еще двадцать минут, а затем вы уедете, и я никогда больше не увижу вас», – подумала она.

Он наклонился к ней, и когда его дыхание коснулось ее волос, как теплая ласка, она вспомнила о том, что подумала вслух по-немецки.

– Еще двадцать минут, а затем вы уедете, и я никогда больше не увижу вас, – повторила она по-английски.

Оркестр на маленькой сцене подхватил эти слова и повторил их в звуках саксофона, в щемящей сердце фразе: и я никогда больше не увижу вас... никогда больше не увижу вас... Эвелина почувствовала, что у нее кружится голова. У нее всегда кружилась голова от танцев, и врач ее предупреждал, что ей не следует танцевать. Довольно долго пол под ее ногами, казался совсем нереальным. Она крепко прижалась к Франку, ощущая его всем телом, каждым кусочком кожи. На минуту она положила голову ему на плечо. Как близок и знаком стал ей запах лаванды и сигарет, которым было пропитано все, что принадлежало ему. Этим запахом пропитались даже ее губы. «О чем я плачу, если я так счастлива?» – подумала Эвелина. Она быстро заморгала ресницами, чтобы смахнуть с глаз слезы и снова видеть его.

– Дорогая, сказал он с улыбкой. Дорогая!

«Ты не знаешь, что я умру, как только это кончится», – подумала она. Ей было даже немного жаль его. Для него все было так легко, все было удовольствием, это высокое, любимое существо не знало и не понимало трудностей. Оркестр умолк. Никогда больше... никогда больше. Никогда больше не танцевать с тобой. Никогда больше не видеть тебя. Ее горло болело от невыплаканных слез. Франк взял ее под локоть и повел из залы. Она старалась идти прямо, чтобы он не заметил, как у нее кружится голова. Никогда в жизни она не чувствовала себя более защищенной, чем тогда, когда Франк брал ее под локоть и направлял ее путь. Однажды она сказала ему об этом, и он посмеялся над нею. Он сказал, что каждый американский уличный мальчишка учится этому еще в школе.

На террасе было прохладнее, дурнота уменьшилась, и она стала чувствовать себя гораздо увереннее. Франк говорил о Южной Каролине и охоте на диких уток. Это звучало замечательно чужестранно и романтично. Она заново, с восхищенным удивлением, почувствовала, из какого далека явился этот человек для того, чтобы перевернуть всю ее жизнь, наполнить ее счастьем и затем покинуть ее. Несколько человек присоединилось к ним, в то время, как она считала мчавшиеся секунды, приближавшие тот момент, когда Франк должен был быть отторгнут от нее. Разговор был мешаниной иностранных имен, мест и кораблей. В этом разговоре заключался весь широкий мир, и Франк небрежно, по-домашнему относился к нему. Она стояла рядом с ним и считала секунды.

– Пойдем на нашу теннисную площадку, – сказал он.

– Когда идет ваш поезд? – спросила она и прибавила: Надеюсь, ваша поездка будет удачна.

Ведь не могла же она сказать: «Я люблю вас». К несчастью она жила в эпоху, когда не принято было прямо говорить подобные вещи. Теннисная площадка была пуста и ярко освещена. Они стояли на ней, как на сцене, на виду у всех людей там, на террасе. Ее охватило жгучее желание остаться наедине с Франком, где-нибудь в темноте и тишине. Казалось, что он

почувствовал ее желание, так как повел ее на берег озера. Там было совсем темно, и запоздалые купальщики плавали где-то в воде. Эвелина знала, что Франк поцелует ее и ждала этого в нетерпении и страхе. Он дважды уже поцеловал ее, один раз в такси, другой раз в загородном доме Марианны, и оба раза это оказало на нее потрясающее действие. Эти поцелуи вызвали болезненное превращение от них становишься диким, беззащитным и изменившимся существом, почти как во время родов. Эвелина не много знала о том, что называлось любовью. Она никогда не верила в то, что существует та любовь, о которой так много говорят. Она читала в газетах о преступлениях, совершенных из-за любви, она знала, что ее муж приговаривает к наказанию людей, которые из-за любви пошли на убийство. Книжки, пьесы, оперы, все они были построены на любовных делах. Эвелина с легкой, полупрезрительной, полу удивлённой улыбкой решила, что любовь чистейшее воображение. Она была уверена в том, что любила своего мужа и что муж любил ее. Но между ними не было ничего похожего на те вольные, преувеличенные и страстные переживания, о которых приходилось читать или слышать всегда, когда говорилось о любви. Иногда, когда Эвелина глядела на своих подруг, на их слезы, сцены расставания, ей казалось, что все играют в игру, правила которой совершенно неизвестны ей. Это была неразумная игра, которую ни в коем случае не следовало принимать серьезно и в которой ставки имели только цену фишек. Так было до тех пор, пока не появился Франк Данел, и тогда все то, что до сих пор казалось фантастическим, стало действительным, заблистало, засияло и расцвело в новом значении.

Сразу же, без колебаний, Эвелина отдалась этому чувству с пылкостью, в которой сквозило что-то отчаянное.

– Надолго вы в Берлин?

– На шесть дней. Может быть на неделю.

Значит неделя. Новорожденная любовь, явившаяся на свет вместе с собственным смертным приговором. Неделя любви в Южном море может быть вечностью, но неделя любви в Берлине, со знакомыми, теннисом, коктейлями, бриджем, болтовней в клубе – такие дни мчались, превращаясь в пустоту, в ненасытное желание быть вдвоем, наедине, чтобы все сказать и все почувствовать, причиняли боль, которая росла и становилась невыносимой. Поцелуй в такси, слово, оброненное по телефону, танец – вот все, что облегчало жизнь Эвелины. Величайшее облегчение было исключено. Если бы только раз она могла заснуть на плече Франка, вместо того, чтобы засыпать на плече у Курта, если бы только раз...

Когда Франк втянул ее в купальню, она на минуту очнулась от того головокружения, в котором прошел последний вечер. Что-то заставило ее насторожиться. Она вспомнила о тех девушках-служанках, которых она заставляла в то время, когда они обнимались со своими милыми в подворотнях и на лестницах. Она ощутила запах мокрых купальных костюмов, сырых половиков и нагретого солнцем дерева. Скамейка, к которой он притянул ее, была мокра, и вода просочилась сквозь тонкое платье Эвелины. Она была поражена, когда поняла, чего хотел Франк. Это было так отвратительно, безвкусно, лишено всякого достоинства.

– Нет, не так... не так... умоляюще шептала она по-немецки.

Она собралась с духом и резко вывернулась у него из рук. Нет, это было не то, о чем она тосковала, она хотела не этого и не так. Светящийся циферблат его часов висел в темноте, как круглое лицо маленького привидения.

– Теперь вы должны идти, – сказала она и встав ошупью нашла дверь. Кваканье лягушек снаружи, на озере, помогло ей ориентироваться. За собою в темноте купальни она слышала тяжелое дыхание мужчины.

– Послушайте, едем со мною в Париж... неожиданно сказал он.

Эти слова, сказанные шепотом так, в темноте, были совершенным безумием. Они принадлежали к тем безрассудным, чудесным, сумасшедшим вещам, из которых состояла любовь. Эвелина не могла удержаться от улыбки. Она нашарила задвижку, ржавый, упрямый кусочек

металла, – и отодвинула ее. Припадок головокружения охватил ее, как только она вышла на свежий воздух, – она снова почувствовала звон в ушах и парализующее чувство беспомощности, предвестники обмороков, от которых она страдала со времени рождения своего второго ребенка. Она усиленно боролась, чтобы сохранить ясность головы и прислонилась к дверному косяку, подняв лицо к небу, как бы прося о помощи. Небо над ней было покрыто странной, блестящей пленкой туч, за которой светила луна. «Теперь все прошло», – подумала Эвелина. Это мгновение пронизало ее с необыкновенной ясностью, с острой болью. Боль была так сильна, что она почти гордилась величиной этого страдания, проникшего в ее защищенную жизнь.

Еще раз она испытала то же странное чувство, которое напомнило ей о родах – ощущение чего-то, что превышало ее силы и было больше того, что можно было вынести.

– Leb' wohl – сказала она.

Теперь Франк вышел из купальни, она пропустила его вперед. Он пригладил волосы и улыбнулся – красивый, безукоризненный светский человек. Эвелина не хотела, чтобы он видел ее лицо, она не могла совладеть с глазами и уголками рта.

– Идите вперед, – сказала она.

Он все еще был здесь, рядом с ней, его плечи были как раз на уровне ее глаз. Гравий слегка похрустывал под его ногами. Он остановился, чтобы закурить сигаретку. Еще одной радостью было при свете спички увидеть его лицо, любимое лицо. Дымок сигаретки – ни одна сигаретка в Берлине не пахла так. В этом запахе было все: чужестранная нотка, романтика человека, который явился издалека затем, чтобы опять исчезнуть. Эвелине казалось, что когда она, застыв и держась очень прямо, шла через бальную залу, каждая пара не могла не видеть, что она переживала. Когда она дошла до комнаты, в которой происходила карточная игра, все еще следуя за очень корректным и очень выдержанным Франком, вежливо открывшим для нее дверь и пропустившим ее вперед, она была на границе обморока.

Первое, что она увидела, были глаза Марианны, устремленные на нее с выражением иронического вопроса. Марианна, в пламенно красном платье, стояла в углу и пила оранжад. Марианна, питала страсть к ярким цветам. В каком-нибудь уголке тех холодных, современных домов из цемента и алюминия, которые она строила для берлинских снобов, всегда прорывалась оргия ярких красок. Эвелина все еще смотрела на платье Марианны, когда вдруг все почернело у нее в глазах. В ее ушах раздалось пенье и жужжанье. «Я упаду в обморок», – в ужасе подумала она. Она сделала несколько шагов по направлению к мужу и протянула руку, чтобы найти какую-нибудь опору. Нет, она не схватилась за Франка, она схватилась за плечо Курта и крепко сжала его. Как только она очутилась рядом с ним, почувствовала знакомую, охранявшую ее близость, темнота, висевшая перед ее глазами, отодвинулась, начала становиться все прозрачнее, пока наконец она снова не увидела комнату.

У Курта были хорошие карты, и он по-видимому с трудом отвел глаза от трефовой дамы, которую как сквозь туман видела Эвелина. Но, почувствовав на своем плече руку Эвелины, он повернулся и вопросительно взглянул на нее.

– Мистер Данел хочет попрощаться, – услышала свои собственные слова Эвелина.

Для нее самой ее голос прозвучал нереально и отдаленно. Последовали рукопожатия, поклоны, обмен многочисленными немецкими и английскими словами. Кто-то прощался – иностранец, американец. Как могло случиться, что этот иностранец так невероятно приблизился к ней, стал ближе чем что-либо, ближе чем кто-либо во всей ее жизни. Неужто возможно, что он уезжает и уносит с собою все, в чем есть хоть какой-нибудь свет и значение, все!..

Эвелина вдруг сообразила, что Марианна о чем-то спрашивает ее. Сперва она не поняла, в чем дело. Затем значение вопроса просочилось в ее сознание, радостно поразив ее.

– Не знаю, – беспомощно ответила она и посмотрела на мужа.

Нет, было очевидно, что Дросте не имел ничего против того, чтобы она отправилась с ними на станцию. Она со слабой улыбкой приняла эти драгоценные лишние минуты, неожиданно

принесенные ей в дар. Марианна уже поспешно вела их через сад, расстилавшийся перед передним фасадом клуба, к своему автомобилю. Марианна говорила, говорила очень много и очень оживленно. По-видимому, ей и Франку не удастся сказать друг другу ни слова. Да, впрочем, говорить было не о чем. Слова всегда фальшивы. Их употребляют только для того, чтобы скрыть действительность. Марианна бестактно продолжала болтать, но Эвелина слишком хорошо знала, что Марианну никогда нельзя было упрекнуть в отсутствии такта. Возможно, что она делала это нарочно. Она пела о слабом здоровье Эвелины, о ее детях и о том, что ей пришлось вынести из-за Берхена, а теперь автомобиль ехал уже по мосту Галензее. Под ними лежали разветвляющиеся железнодорожные пути, дальше подмигивала радиобашня, проколота гирляндой огней.

Мысли Эвелины на несколько секунд перенеслись с Франка на ее детей. Берхен – малыш слишком громкий, слишком сильный, слишком буйный. Берхен в своей детской колясочке. Берхен, погруженный в созерцание всех собственных розовых пальчиков на ногах. Берхен, моргающий от волнения при виде своего рожка... Марианна страшно резко срезала углы, Эвелину каждый раз бросало на Франка. Истекала последняя отсрочка. Еще минута, и мы будем на месте, заверила Марианна. Франк беспокойно взглянул на ручные часы. Эвелина внезапно поняла, что эти ручные часы заняли ужасающе важное место в ее жизни, они стали совершенно незабываемыми.

Это были необыкновенные часы, стальные, плоские, очень хорошей работы. Франк носил их, надевая циферблатом на внутреннюю сторону кисти, так не делал никто в Берлине. Эвелина видела маленькие цифры, подобно привидениям повисшие в воздухе темной купальни, когда Франк протянул к ней руки. Она нащупала руку Франка и сунула в нее свою. Уже вокзал. Как скоро все кончилось. Было странно, что окончательное и решительное прощание утонуло в суматохе банальностей.

Носильщики, полицейские, пассажиры, шоферы, все в бледно-желтом свете двух ламп перед маленьким вокзалом. Молодая зелень деревьев бросала тень на лицо Франка – так она видела его в последний раз. Когда она повернула голову, чтобы взглянуть в заднее окошко автомобиля, он стоял у вокзала, приподняв руку в прощальном жесте, с нерешительной улыбкой, и его лицо было в тени. Он все еще стоял там, когда Марианна круто повернула автомобиль и поехала обратно.

– Славный молодой человек, – заметила Марианна помолчав.

– Да.

– Типичный американец.

– Не знаю. Мне он показался не таким... таким обыкновенным.

– О, да. Наши мужчины гораздо умнее, но у них не так много живости, если ты говоришь о ней. Там, в Америке, они все такие, как Данел. Продукты массового производства в красивых упаковках. Марианна раз побывала в Америке, где строила богатому американскому немцу точную копию дома его германских предков в Леррахе.

«Что ты знаешь об этом?» – подумала Эвелина в гордом одиночестве.

У нее было такое ощущение, точно она делила с Франком великую, неизмеримую тайну, как будто она знала его так, как ни один человек в мире не знал его...

– Да? Что ты сказала? – переспросила она не уловив последнего вопроса Марианны.

– Мне кажется, что Курт немного нервничает, чуть-чуть нетерпеливо повторила Марианна.

– Да?... может быть... – неуверенно и виновато ответила Эвелина.

Прошли уже целые дни с тех пор, как она потеряла из виду тот мир, к которому принадлежал Курт. – Может быть дело идет не так, как он хотел бы, прибавила она.

– Но ведь, эта Рупп во всем созналась. Все дело развивается так истощающе, как только можно желать, и в нем чувствуется такой острый запах нищеты. Я целый час просидела вчера в суде, – продолжала Марианна, и Эвелина с удивлением взглянула на нее.

Марианна была помещена на психологию. Она любила залы судов и была привязана к Курту. Они могли сидеть часами, обсуждая запутанные психологические проблемы. Эвелина говорила иногда что Курт принес ей в приданое Марианну. Но после их брака Марианна несколько отставила судью и направила все свои способности к горячей дружбе всецело на Эвелину. Чувствительность и нежность трогали мужественную силу Марианны. Теперь они ехали по Курфюрстендамму, был театральный разъезд, и под деревьями стояли бесконечные автомобили. Обе руки Марианны лежали на руле.

– Закури для меня сигаретку. Она там, в боковом кармане, – мотнула она подбородком, указывая на боковой карман автомобиля.

При слове «сигаретка» что-то в Эвелине начало щемить и биться, будто она спала все время с отъезда Франка и теперь, при пробуждении, началась ее агония.

«Франк уехал, я никогда больше не увижу его», – подумала она. Пошарив в боковом кармане, она нашла пачку сигарет, американских сигарет Франка, которые он позабыл там. Минуту она неподвижно просидела с незакуренной сигареткой во рту, как будто прислушиваясь к чему-то. Мост Галензее. Там, внизу, были те же железнодорожные пути и в отдалении также подмигивала радиобашня, но Франка больше не было.

Они ехали обратно той же дорогой, и все было точно такое же, как прежде, но Франка не было. Эвелина взяла зажигалку и вдохнула дымок сигаретки, – он был как преступная запретная ласка. Марианна, ожидавшая с нетерпением страстной курильщицы, чтобы ей сунули в губы закуренную сигаретку, – это было их старой привычкой – внезапно, уголком глаза, увидела, что сигаретка упала на пол, зажигалка исчезла на своем месте, втянутая туда резинкой, к которой она была прикреплена, а Эвелина тяжело прислонилась к руке Марианны.

«Это dokonчило дело», – подумала Марианна. Уже несколько месяцев, со времени рождения Берхена, Эвелина была подвержена обморокам. Она лишалась чувств без всяких явных причин и лишь через долгое время и с большим трудом, ее удавалось привести в себя. В этих припадках было что-то таинственное и немного жуткое. Иногда она лежала в обмороке часами и, придя в себя, не имела представления, сколько времени витала в отсутствии, в неизвестных мирах. Доктор называл это различно: слабостью, переутомлением, последствием трудных родов. Он советовал ей отдыхать и избегать волнений и забот. Но именно такой и была всегда жизнь Эвелины неутомительной, защищенной, лишенной тревожений. Судья спросил доктора, есть ли причина беспокоиться или предполагать опасность. И доктор ответил: «нет», тоном, который был каким угодно, кроме разубеждающего.

Марианна нажала ногой на тормоз, и автомобиль с визгом остановился. Тело Эвелины ниже опустилось на сидении, но толчок не заставил ее очнуться. Марианна подобрала сигаретку и зажгла свет, в то же время другой рукой обняв Эвелину и усаживая ее более удобно. Она потихоньку выругалась, так как ненавидела эти ненормальные психические явления с их покорностью тому, что в ее глазах являлось чистой истерией. Она встряхнула Эвелину и погладила ее по лбу, но безрезультатно.

– Что за каша! Это может продлиться долгое время, – с беспокойством пробормотала она. В том же боковом кармане она нашла флакон одеколона и поднесла его к самому носу Эвелины. Никакого толка. Усиленно затягиваясь сигареткой, Марианна снова двинула вперед автомобиль, в то же время, правой рукой удерживая Эвелину на месте. «Я не могу доставить ее Курту в таком виде», – в отчаянии подумала она и снова остановила автомобиль, чтобы обдумать положение. Эвелина лишилась чувств уже десять минут тому назад. «Можно подумать, что она в восторге от того, что в таком состоянии». Губы Эвелины были совершенно бескровны, но они улыбались так, как никогда не улыбались, когда Эвелина была в сознании. Марианна потяну-

лась через нее, чтобы достать еще сигаретку. Внезапно она в нетерпении решилась и поднесла тлевшую сигаретку к руке Эвелины. Эвелина пришла в себя. У нее был виноватый вид.

– Вот до чего доводят танцы, – укоризненно сказала Марианна.

Эвелина не пыталась оправдаться. Она с радостью подчинилась надвинувшейся на нее черной жужжащей туче. Это было похоже на короткую и очень приятную смерть. Было гораздо приятнее погружаться в небытие, чем выходить из него. Сознание того, что Франк уехал, причиняло ей муку, вынести которую было свыше ее сил. Обморок был спасением, возможностью бежать от этой агонии.

– Давно пора было окончиться турниру и вытряхнуться этим американцам, – ворчала Марианна. – Это слишком неподходящая жизнь для тебя. Ты должна быть в кровати в семь часов вечера, как Берхен.

Эвелина потеряла обожженую руку. Она чувствовала себя очень несчастной. Они были уже у клуба.

– Пожалуйста, не говори ничего Курту, – быстро сказала она.

– Конечно, нет, – ответила Марианна.

– Пожалуйста, – сказала Эвелина, когда они уже шли по усыпанной гравием дорожке, пройдем на минуту к озеру.

Марианна поставила на место автомобиль.

– Возьми мое манто, – сказала она и закутала Эвелину в теплый, пламенно-красный шелк.

Они обогнули здание клуба и немного посидели в молчании на скамье около купальни. Лягушки квакали, останавливались и снова начинали квакать. Было совсем темно, светилось только небо. Это было тоже самое небо, что прежде.

– Теперь мы можем идти, – наконец сказала Эвелина.

Оркестр уже ушел, но добродушный член клуба играл на рояле старый фокстрот для нескольких пар, все еще вертевшихся, как будто они заснули в танце и не могли остановиться. Этих пар было три: молодожены, только что вернувшиеся из свадебного путешествия, лучший теннисист и лучшая теннисистка клуба, недавно открывшие, что влюблены в первый раз, и теперь совершенно погружившиеся в свои переживания, и красивая, хотя уже стареющая актриса с развязным молодым человеком – ее любовником. Эвелина внезапно поняла, – о, как хорошо она поняла! желание никогда не останавливаться, танцевать дальше и дальше, дышать и быть вместе...

В карточной комнате все еще шла игра, но Курт Дросте не играл. Он сидел перед камином, погруженный в разговор с прославленным хирургом, профессором Зенфтенбергом. Судья не видел, как вошла его жена. Только тогда, когда она подошла к его креслу и привычным жестом положила руку ему на плечо, он поднял голову и посмотрел на нее.

– Это вопрос, профессор. Это и есть настоящий вопрос, – сказал он, все еще погруженный в беседу.

– Эвелина устала, ты должен отвезти ее домой, – заявила Марианна, стоя настороже рядом с Эвелиной.

Дросте быстро повернулся и взяв Эвелину за руку перевел ее руку через свою голову к себе на другое плечо.

– Тебе нездоровится, мышка? – беспокойно спросил он.

– Нет, мне совсем хорошо, – вымолвили бледные губы Эвелины.

– Ты выглядишь утомленной, – заметил Дросте. Ты не должна была танцевать.

– Закутай ее как следует и отвези домой, – приказала ему Марианна.

– Я хотела бы остаться еще немного, – сказала Эвелина.

Ей доставляло какую-то болезненную радость пребывание в комнате, в которой она была вместе с Франком. Его слова все еще висели в воздухе, его фигура стояла в дверях, его лицо отражалось в зеркале.

Дросте уже прощался с Зенфтенбергом и Марианной.

– В конце недели я явлюсь и заберу Эвелину и Берхена с собой за город, – пообещала Марианна.

Эвелина стояла рядом, потирая небольшой ожог на руке. Она не была уверена, не упадет ли она снова в обморок тут-же, среди комнаты. В груди у нее было такое странное ощущение, будто от нее отлила вся кровь. Эвелина привыкла, чтобы ею распоряжались. Через несколько минут она уже сидела в такси на пути в Вильмерсдорф, где они жили. Дросте протянул руку за ее спиной, как он часто делал, и она с благодарностью прислонилась головой к его плечу. Плечо Курта было желанным местом отдыха.

– Ну, мышка... рассеянно сказал он и сразу же засвистел хор паломников из «Тангейзера» признак того, что он погрузился в юридические размышления. «Горячая ванна», – с воодушевлением думала Эвелина, в то время как их машина дребезжа ехала по Курфюрстендамму. Она любила ванну, ее тепло, приносимое ею облегчение, отдых, забвение. К несчастью, в ванной комнате вечно были затруднения с горячей водой одно из многочисленных ежедневных неудобств не слишком дорогой квартиры, предназначенной для людей среднего достатка. Вернувшись, Эвелина сразу же направилась в ванную комнату и повернула кран. Вода была горяча, и Эвелина вздохнула с облегчением. У нее было неясное чувство, что от ванны все станет лучше. Курт рылся в комнатном леднике. По всей вероятности- он искал фрукты. Эвелина, все еще не снимая вечернего платья, нагнулась над ванной и подставила руки под горячую воду. Когда в ванне было уже достаточно воды, и комната наполнилась теплым паром, Эвелина прошла в спальню и разделась. Курт все еще возился в кухне.

– Разве в доме нет фруктов? – окликнул он ее через коридор. – В леднике ничего нет.

Эвелина прошла в столовую и искала на буфете.

– Вот тебе, Курт, – сказала она, внося в спальню стеклянное блюдо.

Курт, с задумчивым видом, снимал смокинг.

– О, бананы, – разочарованно произнес он.

Эвелина предложила ему сделать лимонад. Он поглядел на нее так, как будто уже забыл, чего хотел.

– Да... нет, спасибо. Не беспокойся.

Эвелина хотела остаться одной. Она хотела подумать о Франке. Это было важно, необходимо. Она оставила Курта размышлять над бананами и вошла в ванную. С чувством благодарности она опустилась в горячую воду. Маленькие серебряные пузырьки прилипали тут и там к ее телу, поднимаясь на поверхность и исчезая. Эвелина с чувством изумления глядела на свое тело. Оно было таким новым для нее. Она чувствовала тяжесть в коленях, дрожь в руках... Эвелина не знала, как она уживется с этим новым и неудовлетворенным телом. Она ушла в свое одиночество, как будто оно было безопасным убежищем, и стала думать о Франке. Он сказал: «Я напишу вам». Возможно, что он даже не знает ее адреса. Она нахмурилась, когда в ванную вошел Курт. Он был в своей голубой пижаме и вел себя так, как будто в ванной никого не было, по крайней мере таково было впечатление Эвелины. Он взял из подставки зубную щетку и необычайно серьезно начал чистить зубы. Раньше Эвелине никогда не приходило в голову, что во всей квартире не было ни одного уголка, где бы она могла остаться одна, а как раз теперь она чувствовала такое настоятельное стремление остаться одной, наедине сама с собой и со своими мыслями. Механически она взяла губку и прикрыла ею грудь. Но Курт и не поглядел в ее сторону. Он так орудовал своей щеткой, как будто от этого зависела его жизнь. Она сама выбрала его пижаму и подарила ее ему на Рождество, но теперь своим покроем, полосами и тем, как она свисала с согнутых плеч Курта, пижама напомнила одежду каторжника.

– Ну, мышка? – спросил Курт, закончив церемонию чистки зубов.

Он подошел к самому краю ванны и улыбаясь глядел сверху вниз на Эвелину. – Эти вечера в клубе ужасно скучны, заметил он, погладив кончиком пальца мокрую руку Эвелины, лежавшую на краю ванны. – Зенфтенберг отчаянно играет в бридж.

– Ты выкупаешься? – спросила Эвелина.

Она не хотела, чтобы он трогал ее руку. В первый раз ей было неприятно прикосновение Курта, но из вежливости она оставила руку там, где она была, как неодушевленный предмет.

– Нет, только холодный душ, – ответил он.

Эвелина испытывала ужас перед холодной водой. Любовь Курта к холодной воде наполняла ее удивлением. Со вздохом она собралась с духом, чтобы выйти из ванны. Курт протянул ей огромное мохнатое полотенце. Он глядел, как она вытиралась, но, казалось, не видел ее.

– Знаешь ты эту Рупп? – внезапно спросил он.

Эвелина как раз надевала через голову новую рубашку.

– Да... а что? – удивилась она.

– Какое она произвела на тебя впечатление? – чуть-чуть строго спросил Курт.

Без сомнения именно этим тоном он допрашивал ненадежных свидетелей, заставляя их сконцентрироваться на правде. Эвелина наморщила лоб и постаралась припомнить фрау Рупп. В течение нескольких месяцев она имела обыкновение нанимать фрау Рупп на дни стирки или весенней уборки. Она вспомнила блудное веснушчатое лицо. «Волосы были рыжими», – подумала она не вполне уверенно.

– У нее были опухшие колени, как у всех поденщиц, – заявила она, обрадовавшись тому, что по крайней мере один определенный факт застрял у нее в памяти, и прибавила: – От того, что ей так много приходилось мыть полы.

Курт выпустил воду из ванны.

– Краля она? – спросил он.

– Ну, ты же знаешь, каковы все поденщицы, неопределенно ответила Эвелина.

В действительности из черной клеенчатой сумки фрау Рупп вынимались самые разнообразные вещи, которым там было совсем не место. Эвелина с дрожью вспомнила скандал, который разыгрался, когда кухарка нашла в сумке фрау Рупп целую коллекцию: мыло, сахар, старый будильник, две пары чулок – и назвала фразу Рупп лгуньей и воровкой. После этого фрау Рупп больше не приходила. А теперь ее обвиняют в убийстве своей свекрови, и она сама созналась. «Было странно», – нахмурившись подумала Эвелина, что у каждого, даже у фрау Рупп, есть своя тайна. Эвелине казалось, что после прошедшей недели она стала гораздо лучше понимать людей. Она внезапно поняла, почему фрау Рупп краля и может быть даже совершила убийство. Это внезапное озарение было так живо, что она уже в коридоре, повернулась и снова вошла обратно в ванную, чтобы сказать об этом мужу. Курт только что разделся и стоял под душем. Эвелина терпеливо стояла, глядя на его стройное мокрое тело, и выжидала, пока не прекратится шум брызжущей воды.

– У нее был очень красивый муж, и она до сумасшествия его любила, – заявила она.

– Кто? – спросил Курт.

– Фрау Рупп.

– У нее все еще есть муж, – ответил судья и начал вытираться.

Эвелина вышла из ванной и механически направилась через коридор к детям. Она делала это каждый вечер, прежде чем лечь спать.

Она не зажгла лампы, опасаясь разбудить их, но через стеклянную дверь, выходящую в переднюю, проникало достаточно света. В комнате чувствовался запах детского мыла и ромашки – приятный, нежный и ароматичный запах. Трехлетняя Клерхен лежала как всегда, головой в ногах своей кровати, среди сбитых простынь и одеяла. Жалкая безрукая кукла спала, открыв свои стеклянные глаза, на покинутой подушке. Клерхен была деятельной маленькой особой. Она выглядела разгоряченной, как будто сон также был для нее серьезным трудом.

Эвелина подняла ребенка и переложила головой на подушку, как следует. Ее каждый вечер удивлял вес Клерхен.

Берхен, – созвучие имен Клерхен и Берхен, дававшее повод к многочисленным домашним стихам и песенкам, всегда приводило Клерхен в восторг, Берхен издавал во сне удивительные звуки. Он пыхтел и свистел как маленький паровозик, симметрично прижав сжатые в кулачки ручонки к обеим щекам. Он все еще был в том периоде младенчества, когда обе руки одновременно делают одно и то же. Его щеки были так румяны, что даже при слабом, проникавшем в дверь свете Эвелина видела, как они блестели. Ее маленький сын все еще был для нее так нов и очарователен, что она не могла находиться вблизи него, чтобы не почувствовать пронизывавшего все ее существо страстного, физического ощущения счастья. Она наклонилась и прикоснулась губами к его теплой влажной щеке, пахнувшей молоком и абрикосами. На минуту она забыла о том, как она несчастна, какой пустой и безнадёжной кажется предстоящая жизнь со времени отъезда Франка. Она подсунула руку под маленькую головку, почувствовав, как бьется пульс ребенка, Берхен сморщил рожицу и стал похож на ворчливого старикашку. Эвелина отошла от кровати и на цыпочках вышла из комнаты, опасаясь, как бы он не за плакал.

Было уже за полночь. За окном мелькали зарницы. Окна спальни были открыты, и кисейные занавески слегка надувались. Курт еще не лег в постель. Эвелина окликнула его, и он отошел из кабинета.

– Сейчас иду.

Эвелина знала, что это «сейчас» было весьма растяжимо и вышла посмотреть, что он делает. Судья стоял перед одним из книжных шкафов, держа в одной руке банан, в другой толстую книгу.

– Я ложусь спать, – заявила она.

Судья поднял глаза и посмотрел на нее так, как будто не был вполне уверен, кто она.

– Хорошо, я сейчас же приду, – сказал он и продолжил читать.

Эвелина легла, благодаря судьбу, что она одна. Она чувствовала себя полумертвой от усталости, будто после тяжелой операции или после тех серьезных осложнений, которые возникли после рождения Берхена. Даже ее внутренняя боль притупилась. «Спать», – с тоской подумала, она. Только спать. Она оставила свет для Курта и закрыла глаза. Несмотря на то, что она так хотела спать, перед ней сразу же, незваное, встало лицо Франка. Прекрасное лицо, любимое, единственное и потерянное. Темные, блестящие, гладко причесанные волосы, прилегающие к голове и обрисовывающие ее очертания, красивый, прекрасной формы нос, на котором иногда вздувалась жилка – признак нетерпения, волнения, самообладания. При темных волосах светлые глаза и большой, твердый рот. У него была кожа золотистого оттенка, которого до сих пор Эвелина не встречала ни на одном лице...

– Такой цвет лица можно приобрести в Калифорнии. На побережье у меня есть апельсиновые плантации...

– Этот шрам? Когда во время великой войны я служил в авиации, я свалился однажды с машиной...

– Да, я забавная смесь: мои дед и бабушка французы, моя мать из Нового Орлеана. Отец ирландец, но его мать происходила из одной из самых старых испанских семей в Калифорнии... Да, у меня скверные манеры. Это оттого, что я прожил целый год на Кубе. Те хорошие манеры, которым я научился в Китае, совсем позабылись на Кубе...

Эвелина лежала с закрытыми глазами, вспоминая эти обрывки разговоров. Внезапно у нее перехватило дыхание. Ландсгерихтсрат Дросте, Дюссельдорферштрассе 47, квартира из четырех комнат, хорошая, порядочная немецкая семья среднего достатка – как могло случиться такое чудо, что сюда пришел Франк Данел, принес с собой романтику приключений,

просторы, неизвестный широкий мир. Как мог он придти издалека, для того, чтобы вернуться обратно в эту даль.

– Уплатила ты по газовому счету? – спросил судья входя.

Эвелина вздрогнула, как будто он мог прочесть ее мысли.

– Нет, – виновато прошептала она и прибавила – как я могла.

Курт вложил свои брюки в зажим и повесил их на окно. Потом аккуратно поставил ночные туфли – задник к заднику около кровати. Он был не педантичен, а только методичен. Пружины матраса легонько зазвенели, когда он лег в кровать. – Потушить свет? – спросил он.

– Пожалуйста, – с облегчением ответила она.

Желанная темнота ласково покрыла ее сомкнутые веки.

– Послушай, мышка, – начал Курт с другой кровати. – Если я напишу чек и оставлю тебе, ты не забудешь сразу же с утра послать его газовой компании? Эвелина задумалась. Ей казалось, что этим она возьмет на себя сложную и тяжелую ответственность.

– Не думаю, – наконец ответила она.

– Если мы будем медлить дальше, у нас закроют газ, – предупредила соседняя кровать.

Эвелина упрямо молчала. Будет газ или нет ей было все равно.

– Ну ничего, мышонок, – сказал наконец Курт. Его слова прозвучали до смешного трогательно. Он протянул к ней руку и подсунул ее под плечо Эвелине в дружеском объятии. – Устала? – спросил он.

– Очень, – ответила она.

– Ну что ж... спокойной ночи, – сказал Курт.

Эвелина устроилась у него на руке. Это было их постоянной привычкой.

– Спокойной ночи, – сказала она.

Она долго еще не спала. Столько нужно было вспомнить, о столько поразмыслить. Никогда еще во всей ее жизни у нее не было столько тем для размышлений и воспоминаний.

– Дети, – думала она. – Но Клерхен и Берхен совсем другое. Они милы, они очаровательны, но это не помогает. Неправда, что дети что-нибудь значат, когда женщина любит. Они не имеют никакого, совершенно никакого отношения к этому. Странно, но у меня даже нет угрызения совести. Я люблю Курта, люблю детей. Я не могу упрекать себя за то, что случилось.

Она открыла глаза и еще раз подумала, это. Снаружи снова мелькнула зарница, на кратчайший миг осветившая комнату. Где-то, по одной из соседних улиц, со звоном промчался пожарный автомобиль.

– Случилось? – подумала Эвелина. – Но ведь ничего не случилось, ровно ничего не случилось... И тут наконец к ее глазам подступили слезы. Неожиданным потоком они хлынули по ее щекам на подушку.

– Ты не спишь еще, мышка? – раздался вопрос с соседней кровати.

Эвелина затаила дыхание и не ответила.

– Я даже не могу свободно поплакать, – подумала она в отчаянии. Она услышала вздох мужа, а потом в комнате воцарилась тишина.

3. Вторник. Муж

Американец, танцевавший с Эвелиной, взглянул на свои ручные часы. Судья Дросте остановился на пороге, чтобы посмотреть на Эвелину. Он с трудом нашел ее взглядом среди других танцующих пар. По привычке он искал глазами черное платье, но в этот вечер на ней было белое, прозрачное, складками ниспадавшее с ее стройной фигуры. Дросте не обратил внимания на ее платье, когда они приехали в клуб. Эвелина, прошедшая в танце с американцем мимо Дросте, выглядела сонной и усталой. Он немного пожалел ее – он знал, как она не любила бывать на людях.

– Я еще должен поручаться с тобой, – сказал он Марианне, встретив ее в карточной комнате. На ней было огненно красное платье, а ее руки загорели до темно-коричневого цвета во время игры в теннис.

– Что я натворила на этот раз, дорогой?

– Просто смешно, что ты всегда вытягиваешь нас сюда, в клуб. Это слишком утомительно для Эвелины.

– Но ведь после тех трудов, которые я приложила, чтобы заставить тебя записаться и внести такой крупный членский взнос, смешно было бы не пользоваться клубом, – ответила Марианна.

На деле она думала не совсем то, что говорила. В действительности членский взнос был слишком велик для жалованья, которое получал Дросте. Марианна, напротив, получила первый приз за проект нового города – сада, осуществление которого также было поручено ей. В данное время она жила на широкую ногу и добродушно заставляла своих друзей разделять с нею ее образ жизни.

– Немножко тенниса, плавания и танцев не могут повредить Эвелин. Если уж говорить об этом, то для ее нервов вовсе не полезно сидеть все время дома и слушать рев Берхена, – сказала она, взяв Дросте за рукав и уводя его с собою. Подобрать тебе компанию для бриджа?

– Спасибо. Но только не иностранцев. Я не могу играть по таким высоким ставкам, недовольно ответил Дросте.

На самом деле он очень любил эти вечера в клубе. Они были приятным отдыхом после утомительных дней в суде. Но за время недели теннисного турнира клуб принял совсем другой вид. В нем замелькали члены английской и американской колоний Берлина, появились испанский посланник и турецкий консул. Говорили больше по-английски, чем по-немецки, и среди зрителей турнира были видны дамы в удивительно британского вида шляпах.

Дросте беспокоили все эти иностранцы. Они были слишком шумны, чуть бесцеремонны и так громогласно проявляли свою жизнерадостность, что заставляли других становиться пессимистами из простого противоречия. Не могло быть и речи о шахматах, когда в соседней комнате завывал и бухал джаз. Разумные люди, с которыми в другом случае вы могли бы вести длинные и интересные разговоры, выставляли себя на общее посмешище, танцуя в балльной зале фокстроты. А Эвелина, слишком мягкая по характеру, чтобы сказать «нет», из простой вежливости танцевала с этим шутивным, полуцивилизованным американским невежей, несмотря на то, что она терпеть не могла танцев, которые к тому же были вредны для ее здоровья. Дросте был в скверном, раздражительном настроении. Он нервно затянулся сигареткой.

– Ну, милый мой, что с тобой? – спросила Марианна, зная его лучше, чем знал себя он сам.

– Ты была сегодня на суде? – прямо спросил он.

– Нет, у меня не было времени. А что?

– Ничего. Я только хотел поговорить с тобой о процессе.

Марианна была старой поклонницей судопроизводства. У нее был короткий, но пылкий роман с Дросте, года за два до его женитьбы перешедший затем в близкую дружбу. С тех пор она приобрела привычку посещать процессы, которые вел Дросте, а он привык обсуждать с ней затруднявшие его вопросы.

– Ну, выпаливай, сказала она, когда они уселись перед камином.

Марианна сидела в своей любимой позе, подвернув под себя одну ногу, как женщины на персидских миниатюрах. Она выжидательно глядела на него.

– Все эта Рупп... Она призналась в том, что отравила свою свекровь, – начал Дросте, с ожесточением крутя свою сигаретку. – Если ее послушать, так тут не может быть двух мнений. И все же ее признание как-то неубедительно. Я так же уверен в том, что ее история- набор вранья, как в том, что сижу здесь.

Дросте погрузился в размышления. Марианна с интересом смотрела на него. Ей нравилась тонкая сеть морщинок на его лбу. Эта сеть была так же знакома ей, как хорошо изученная карта. Ей казалось, что она сквозь кости его черепа видит, как работает его мозг. Все в Дросте было изящно и тонко: фигура, руки, голова, кожа, волосы. Хорошая северная германская порода, может быть даже слишком изысканная в своей чистоте.

– Так в чем же дело, Пушель? – спросила Марианна, назвав его старым ласкательным именем.

– Если фрау Рупп невиновна, тогда для нее слишком тяжело даже самое легкое наказание, – сказал наконец Дросте, все еще глубоко погруженный в свои мысли.

– Но ведь ты говоришь, что она созналась? – с легким удивлением заметила Марианна.

– Совершенно верно, – ответил Дросте, встал и ушел. Марианна изумленно посмотрела ему вслед, тихонко свистнула и направилась на поиски компании для бриджа.

Не думая ни о чем, Дросте снова вошел в танцевальную залу. Раздражение, вызванное в нем бесплодным днем в суде, смешивалось с раздражением по поводу пустого вечера, в клубе... Неожиданно он вспомнил книгу о случаях умышленного отравления, о которой совсем забыл и которую хотел теперь просмотреть. Он вошел в залу с намерением найти Эвелину и отправиться с ней домой, обратно к своим документам и справочникам. Но Эвелины не было видно. Как-то смутно его утешило то обстоятельство, что она больше не принуждает себя таскать потеющего иностранца по переполненному залу. И тут, стоя в дверях, он вдруг совсем забыл об Эвелине. В то время, как он глядел на многочисленные хорошо одетые танцующие пары, перед его мысленным взором вдруг предстала фрау Рупп расплывшаяся женщина, приближающаяся уже к сорока годам, с сухими, песочного цвета волосами и веснушками на широком плоском носу, с испорченными работой руками, беспокойно сложенными на тяжелом, беременном животе.

Она была вежлива и услужлива, никогда не уклонялась от дачи показаний и только старалась помочь неуклюжему судопроизводству. Ее показания, которые она давала тихим голосом, были ясны, кратки и точны. У Рупп было четверо детей, и она ожидала пятого. Ее муж был без работы уже полтора года.

– А мужчине совсем не полезно сидеть на пособии безработного, – заметила она, говоря об этом.

Вся семья жила в одной комнате и кухне, и мать мужа, больная и очень неприятная старуха, жила с ними до самого убийства. Фрау Рупп была непривлекательной особой, но она пользовалась хорошей репутацией. Она скребла и чистила, и шила, и ходила стирать в чужие дома, чтобы заработать что могла. Она была одним из лучших образцов подавленного судьбой человека, и тем не менее, она не отступала от своего показания, что она отравила свою свекровь.

Дросте был недоволен сам собой. Было очевидно, что он так затягивает процесс только потому, что испытывает совершенно не профессиональное чувство страха перед вынесением

приговора, в то время как он сам чувствует себя настолько неуверенно. Мысли об этой Рупп все время преследовали его, все время он видел перед собой ее тяжелое, невыразительное лицо, обвисшее под влиянием беременности, слышал ее низкий, чуть-чуть хриловатый голос и неуклюжие слова, в которые она облекла свое самообвинение.

– Так я и говорю, должно быть я положила всю крысиную отраву в суп одним разом, чтобы у нас был наконец покой, потому что со старухой был просто ад и ничего другого...

В течение трех последних ночей Дросте должен был принимать веронал, чтобы отдохнуть от фрау Рупп. Дело становилось для него мучением. Он начинал чувствовать, что и сегодня вечером также не сможет заснуть.

– Тебя ждут около карточного стола, произнесла за ним Марианна. Или, может быть ты сделаешь мне честь и потанцуешь со мной?

– Ты же знаешь мои фокстроты, – сказал он, но так как она стояла так близко к нему, и так как красный шелк ее платья задевал его колени, он в конце концов взял ее за талию и рассеянно начал танцевать.

– Не так плохо для судьи, – лукаво сказала Марианна.

Тем временем, – может быть под влиянием ритма танца он нашел слова, чтобы сформулировать свои мысли.

– Для судьи есть два смертных греха, – начал он. Один – это отпустить на свободу виновного, другой – осудить невинного. Я не знаю, который из них является худшим для человека, по своей профессии обязанного охранять интересы правосудия.

Он сделал еще один тур вокруг комнаты в полном молчании, глубоко погруженный в свои размышления.

– И я чувствую, что в этом проклятом процессе я совершу оба эти греха, – неожиданно произнес он.

Марианна резко остановилась.

– Но ради самого Бога, кто-же мог сделать это, если не фрау Рупп? – спросила она взволнованно.

– Конечно, муж, – вполголоса ответил судья.

– Почему ты так думаешь? Разве против него есть улики?

– Нет, ничего. Это то и сводит меня с ума. Где Эвелина? Я еду домой.

– Ах, оставь Эвелину в покое! Ты обращаешься с ней как нянька. Ты уничтожишь в ней всякую уверенность в себе. Лучше расскажи мне об этой Рупп. Дросте прекратил танец и начал говорить прежде даже, чем они достигли террасы.

– Ты только представь себе, Марианна. Их семеро, в одной комнате, в подвале: муж, жена, четверо детей и свекровь. Когда он женился на ней, она уже родила от него двоих детей. Он был красивым уличным парнишкой, разносчиком в мясной, из тех пареньков, которые притягивают в мясную всех окрестных служанок, как только тех посылают за сосисками. Он выглядит как трубач из курортного оркестра. Фрау Рупп была одной из этих служанок. По-видимому, она обожает этого человека и чувствует, что обязана вечно благодарить его за то, что он не только соблазнил ее, но также и женился на ней в довершение всего. С самого начала тут не было ничего, кроме нужды, детского рева и нищеты. Молоко выкипело. Детские пеленки развешаны на печке для просушки. У детей коклюш. А ее мужу стоит лишь посмотреть на нее, чтобы она снова забеременела. В квартире сыро и в окна не видно ничего, кроме башмаков тех людей, что проходят мимо, под солнцем. С самого начала им не хватало на жизнь, а тут еще муж потерял работу. Нельзя даже сказать, что это его вина. Он не крал, он не пил, за исключением праздников и торжественных случаев, он не ссорится с людьми и даже не бьет свою жену. Фрау Рупп описывает его с самой лучшей стороны, что не мешает ему производить в высшей степени неприятное впечатление. Мужчина, сидящий дома, без работы, ужасное несчастье. Он быстро деградирует и теряет свое общественное положение, как в своих собственных глазах,

так и в глазах других людей. Он несчастен, и его простая натура младшего мясника позволяет ему проявить свое настроение, только вымещая это настроение на семье. Но окончательным адом их жизнь становится тогда, когда к ним переезжает свекровь. Старая мамаша Рупп олицетворенный дьявол. Она гордится тем, что знала лучшие дни, когда у нее была собственная лавка. Теперь, когда ее сын больше не может поддерживать ее, она переезжает к ним со всеми вещами, и тут-то начинаются скандалы. Она презирает простую служанку, на которой женился ее замечательный сын. Она занимает место фрау Рупп в комнате, около плиты, в глазах детей и мужа. Фрау Рупп делает все, что может. Она стирает, моет, работает и немного зарабатывает, у нее случаются выкидыши, она истекает кровью, но все-таки работает дальше, стареет, истощает себя и превращается в пугало. Она ревнует к старухе. Она борется за своего мужа. Но у старухи есть один козырь на руках – ее завещание. У старой мамы Рупп есть страховой полис, который в случае ее смерти принесет тысячу марок. Для Руппов в их подвале это целое состояние. Фрау Рупп мирится с очень многим из того, что ей приходится выносить, от ее свекрови. Она уступает ей свою кровать, а сама спит на скамейке в кухне, а когда дети не дают ей заснуть, она коротает время мечтая о смерти старухи. У старухи какая-то внутренняя болезнь, но она не умирает. Она живет из простого упрямства и ради того, чтобы насолить им. Она изнуряет фрау Рупп своими болями, неаппетитными симптомами своей болезни, своими требованиями, но она не умирает. Фрау Рупп снова беременна, но пока жива старуха, нет места еще для одного ребенка, нет денег на роды, нет денег даже на аборт. Фрау Рупп вовсе не сходит с ума. Только не выдерживают ее нервы. Она покупает пакетик крысиной отравы и высыпает его в суп, приготовленный для старухи. Старуха умирает. Все было бы хорошо, если бы страховая компания не начала задавать вопросы, не начала бы расследования, не стала бы возражать против свидетельства о смерти и указывать на то, что отсутствие врача во время смерти старой женщины является подозрительным. Производится вскрытие и находят мышьяк. Фрау Рупп сознается. Она проводит четыре месяца в предварительном заключении и теперь уже на восьмом месяце беременности. Он остановился и взглянул на свои руки. Они с Марианной были как будто на необитаемом острове. Все остальные танцевали, смеялись и флиртовали.

– Не знаю, можешь ли ты представить себе всю эту картину, – в легком смущении прибавил он. Марианна задумчиво, с выражением глубокого уважения, глядела на него.

– Я не даром изучала в течение пяти лет постройку домов, предназначенных под мелкие квартиры, – небрежно заметила она, не сводя глаз с Дросте. – Но если она вообще созналась, то чем-же твое затруднение? Жалость? – Жалость? Судья не должен испытывать жалости. Нет. Мое затруднение в том, что обвиняется также и ее МУЖ Как он, так и фрау Рупп утверждают, что он не имел понятия об этом деле. Я сомневаюсь в этом. Муж всегда прекрасно знает, что делает его жена. Я не могу выпустить его, если...

– Незавидная обязанность защищать в этом деле интересы страховой компании, неожиданно сказала Марианна.

Дросте передернуло от этого внезапного выпада. Он чувствовал себя гораздо приятнее, описывая жизнь семьи Рупп.

– Не понимаю, почему я не женился на тебе, Марианна, – сказал он, к собственному удивлению.

Теперь Марианна смотрела вниз, на его руки.

– Можешь поблагодарить за это судьбу, – ответила она. – Брак с женщинами, подобными мне, страшно действует на нервы.

– Брак с какой-бы то ни было женщиной всегда действует на нервы, – быстро ответил Дросте и сейчас же пожалел о своих словах. «Как несправедливо по отношению к Эвелине подумал он». Беспомощность и нежность Эвелины будили в нем самые глубокие чувства. Он почувствовал, что глаза Марианны устремлены на него со странно пронизательным и испытующим выражением. Он опять замолчал. Она взяла его под руку и повела в карточную комнату.

– А теперь ты будешь играть в бридж, пока тебе не захочется спать, и ты не позабудешь про фрау Рупп, – строго приказала она.

– Может быть, ответил он и почувствовал себя гораздо легче. С Марианной ему было хорошо. Она по его глазам могла сказать, когда он начинал принимать веронал, и знала, как удержать его от этого.

Компания, собравшаяся для игры, состояла из него, Марианны, хирурга Зенфтенберга и старой мадам Лунгстрем. Мадам Лунгстрем в молодости была выдающейся певицей исполнительницей вагнеровских партий. Теперь, в ее годы, у нее было только два увлечения бридж и скачки. Со своей седой гривой, квадратным лбом и неизмеримо широкой грудью она напоминала мужчину, старого виолончелиста. Она всегда ходила в костюмах из твида и обычно держала в уголке рта окурки короткой, толстой сигары. Дросте почувствовал, как постепенно успокаиваются его нервы по мере того, как он сдавал карты. Однако, не успело пройти и десяти минут с начала игры, как его мысли снова начали разбегаться. Вопросы и ответы из допроса свидетелей скрещивались в его мозгу и смешивались с отрывистыми восклицаниями игроков. Мадам Лунгстрем дважды постучала по столу костяшками согнутых пальцев и попросила его быть внимательнее.

– Мы должны играть как следует, господа – воскликнула она. Мы здесь не для того, чтобы развлекаться.

Эти слова послужили поводом для многочисленных шуток. Дросте забыл пойти вовремя и Марианна легонько толкнула его ногой под столом. Дама треф скроила ему презрительную, недовольную гримасу, и он снова углубился в мысли о процессе. У него были хорошие карты, он играл автоматически и даже начал выигрывать. Игра была прервана, когда один из этих беспардонных американских теннисистов увел Марианну к бару. Старый тайный советник Реген, в течение последнего получаса кружившийся вокруг, как хищная птица, выглядывая себе партнеров для бриджа, занял его место. Потом на минутку появилась Эвелина и положила руку на плечо Дросте как раз тогда, когда он пришел к хитроумному решению объявить четыре без козырей. Очевидно, американцев начали доставлять на вокзал. По его мнению, клуб простирает свое гостеприимное отношение к этим иностранцам не много слишком далеко, но в конце концов не его дело было против этого возражать. Когда они все ушли, его охватило легкое разочарование. У него на руках были скверные карты, и он потерял интерес к игре. Отказавшись от бриджа, он уселся в углу с Зенфтенбергом. Зенфтенберг также был озабочен. Простая операция аппендицита вчера закончилась смертью, и это тяготило его. Они начали утешающий разговор двух мужчин между собой, причем ни один из них не вслушивался в то, что говорил другой. Дросте говорил о фрау Рупп, а хирург о пациентке, страдавшей аппендицитом. Потом вернулась Эвелина, и судья пожалел о том, что отпустил ее на вокзал. Она казалась совершенно утомленной, в то время как Марианна рядом с ней выглядела цветущей и от нее, как от натопленной печи, так и полыхал жар. Судья посадил жену в такси, и они отправились домой. Собственно говоря, он собирался поехать домой по подземной дороге, но когда он взглянул на лицо Эвелины, он увидел на нем выражение такой беспомощной усталости, что подозвал такси. Должно быть не шутка весь вечер говорить по-английски с людьми, которых не знаешь, и которым, во всяком случае, нечего сказать, заметил он опускаясь на изношенные пружины сиденья такси. Эвелина неопределенно улыбнулась. Они не успели еще двинуться в путь, как Фрау Рупп овладела его мыслями. Курьезно, до чего это дело мучило его. Короче говоря, ему было жаль фрау Рупп. Но жалость не принадлежит к числу чувств, которые может разрешать себе судья. Не было никакого сомнения в том, что фрау Рупп отделается легким наказанием ввиду смягчающих обстоятельств, но даже и в таком случае ей все-же придется отправиться в тюрьму. Фрау Рупп должна будет родить пятого ребенка в тюремной больнице. Ее поместят в так называемую «камеру для матерей» и позволять оставить при себе ребенка на то время, пока она будет кормить его. После этого ребенка отправят в воспитательный дом.

Остальных четверых детей также разместят по приютам. Муж окончательно опустится. Страховая компания сэкономит свою тысячу марок. Как ни глядеть на это дело, оно все-таки кончилось неудовлетворительно. И самым беспокоившим обстоятельством во всем этом было то, что фрау Рупп намеренно навлекала на себя обвинительный приговор, она отказывалась бороться и просто сидела на скамье подсудимых, тупая и не проницаемая.

Муж был совсем другим – полнокровный, живой, всегда готовый рассмеяться каждой жалкой шутке судебного процесса. Он находился под подозрением в укрывательстве и даже сообщничестве и потому участвовал в качестве обвиняемого вместе с женой. Дросте был совершенно убежден, что этот веселый подсудимый был сообщником жены. Но против него не было никаких улик. Фрау Рупп укрывала и защищала мужа всем своим основательным, тяжелым телом. Но ведь это было совсем несправедливо, совершенно несправедливо...

Такси остановилось. Дросте вышел, помог выйти жене, механически заплатил, механически открыл входную дверь и нажал кнопку, зажигающую освещение. На лестнице стоял затхлый запах дома, в котором по две квартиры на каждой площадке и где рыбу готовят каждую пятницу, а капусту дважды в неделю. Эвелина устало поднималась по лестнице. Она напоминала ребенка, на стоявшего на том, чтобы ему позволили не ложиться спать, пока не лягут взрослые, и теперь падающего от усталости. Эти ночи в клубе, танцы, американцы – все это не приносило Эвелине никакой пользы. Дросте открыл дверь их квартиры и втолкнул Эвелину в переднюю.

Передняя была длинным коридором, в котором вместе стояли колясочка Берхена, велосипед служанки Вероники и обручи Клерхен. Квартира Дросте никогда не была в полном порядке, и это всегда слегка раздражало аккуратного судью. Эвелина была слишком пассивна для того, чтобы вести дом. Теперь она как слепая направилась по коридору к спальне. На половине дороги она уронила перчатку, но не остановилась, чтобы поднять ее. От веронала у Дросте был сухой, горький вкус во рту.

– Есть дома фрукты? – спросил он, но Эвелина не слышала. Он направился через кухню к старомодному леднику.

Это было несправедливо, совершенно несправедливо, если фрау Рупп принимала всю вину на себя, чтобы спасти от тюрьмы мужа. Во время ее допросов были моменты, когда судья был совершенно убежден в этом, несмотря на то, что у него не было никаких доказательств. Если фрау Рупп должна будет сесть в тюрьму, вся семья будет совершенно разорена. Должно было происходить обратное, муж должен был бы взять всю вину на себя, отправится в тюрьму и больше не показываться. Фрау Рупп, положительная, стойкая и трудолюбивая, пробились бы вместе с детьми. В ней была сила, напоминающая о силе песчаного картофельного поля. Дросте взглянул на картошку, в которой копался по рассеянности. Как обычно, в леднике не было фруктов.

Наконец в столовой нашлось несколько бананов, и Эвелина, казалось, даже гордилась этим. Дросте с недовольным видом начал сдирать кожицу с одного из них. Они хорошо пахли, но их безвкусная мякоть всегда разочаровывала после первого же куска. Дросте прошел в так называемую гостиную, которая в действительности была его кабинетом. Он не то чтобы хотел держать Эвелину на расстоянии от этой комнаты, но Эвелина принадлежала к числу тех женщин, вся частная жизнь которых вращается вокруг их кроватей. Книги, журналы письма, шоколад, штопка, домашние счета, которые тщательно проверял Дросте, всегда находя в них ошибки – недостающие суммы обычно записывались в них в неопределенной графе «разные расходы» – все это и еще сто одна вещь валялось у Эвелины на кровати, превращая ее в род домашнего музея. Дросте не мог найти книгу, которая была ему нужна, и бесцельно двинувшись дальше, он сообразил наконец, что ему было нужно – хороший холодный душ.

Он уже снял пиджак. Теперь он окончательно разделся и надел пижаму, морща лоб в усилии припомнить, в какой книге была та важная глава, говорившая об убийствах посредством

отравления, которую он тщетно искал. Пено... Пендоль... Бентоп... Входя в ванную комнату, он все еще напрягал мозги, стараясь вспомнить имя француза – автора. В ванной его встретил тепловатый душистый пар, подымавшийся от горячей ванны его жены. Это было явление, которого он не любил, но к которому привык. Эвелина чувствовала себя в ванне как дома, ей было бы приятнее всего сидеть в ней часами, как пациентам лечебниц для душевно больных. Дросте подавил нетерпение и обменялся с ней несколькими незначительными словами. Он демонстративно вычистил зубы, шумно прополаскивая горло. Он открыл, что это было очень хорошим способом заставить Эвелину выйти из ванны и завладеть ванной комнатой. Действительно, она вышла из ванны с душераздирающим вздохом.

Когда она сделала это, Дросте почувствовал к этой беспомощной женщине прилив горячей нежности, сильнее всего связывавшей его с ней. Нога, так неохотно ступившая на коврик, напоминала ногу маленького ребенка. Она вздрогнула, вылезая из горячей воды. Дросте протянул ей купальное полотенце и быстро завернул Эвелину в него. Она благодарно улыбнулась ему в ответ. Дросте заметил, как она похудела со времени рождения Берхена. Ее тело было теперь как у обнаженных женщин на картинах Луки Кранаха, стройное, с откинувшимся назад корпусом. И так же, как они, она с детской хитростью искоса поглядывала на него, вытираясь. Внезапно, совсем незваная, перед ним снова встала фрау Рупп, сидящая на скамье подсудимых с застывшим взором, ни разу не бросая взгляда в сторону мужа – только когда его допрашивали, у нее на желтом лбу выступали большие капли пота. Защитник попросил, чтобы ей дали стакан воды... – Ты ведь знаешь фрау Рупп, не правда ли? – спросил он как раз тогда, когда Эвелина окончила тщательно вытирать свои красивые плечи и накинула ночную рубашку.

Внезапно ему пришло в голову, что Эвелина, в своей простоте, может сказать ему что-нибудь гораздо более важное относительно фрау Рупп, чем Марианна со всей ее психологической проницательностью. Но Эвелина не знала ничего, кроме того, что было уже известно. Что фрау Рупп ходила по домам стирать и что она очень бедна. Когда ему удалось наконец выжить Эвелину из ванной и когда он уже наслаждался холодным душем, она вернулась, чтобы крикнуть ему сентиментальное сообщение о том, что у фрау Рупп очень красивый муж и что она безумно влюблена в него. Дросте ответил на это сообщение нетерпеливой улыбкой и кивком головы и снова открыл душ. Он испытывал чувство антипатии По отношению к такому мужчине, какой сидел на скамье подсудимых. Он услышал, как дверь детской скрипнула на своих петлях. Он знал, что это Эвелина, как каждый день, пошла помолиться на Берхена в его кровати. Сам он вернулся через коридор к своим книгам. Теперь он вспомнил. Роберт Пеншо. «История отравлений». Это была не книга, а серия статей в юридическом журнале. Он порылся среди старых томов, пахнувших дымом трубки. На службе он всегда курил трубку и только дома соглашался курить более цивилизованные сигаретки. Покопавшись, он нашел то, что искал и что в свое время удержал в памяти лишь наполовину – психологический разбор убийств при помощи отравления...

«Убийство при помощи отравления – характерное женское убийство», – читал Дросте «...статистика нашумевших отравлений, достигших высшей точки во время Ренессанса, а затем во Франции в царствование Людовика XV, показывает, что восемьдесят пять процентов отравлений было совершено женщинами. Мотивами этих отравлений по большей части были ревность, месть брошенной женщины, скупость...»

Дросте вздохнул. Какое отношение имели отравления во времена Ренессанса к фрау Рупп, поденнице, затравленной на смерть в своем подвале. Он нетерпеливо кивнул, когда Эвелина прервала его и продолжал читать. Сперва он стоял около книжного шкафа, перелистывая журнал. Затем он уселся в низкое кресло, придвинул поближе лампу, и взял с письменного стола свой монокль. Пеншо посвятил целую главу отравлениям среди бедняков. Это были неумелые, мрачные убийства при помощи крысиной отравы, зелья, продававшегося цыганками и повивальными бабками, сведущими в выкидышах, убийства, совершавшиеся в яростном,

примитивном мире, в котором крестьянские девушки убивали любовников, дочери убивали отцов, чтобы добиться свободы, и устранялись с дороги нежеланные дети бедных работниц. Дросте углубился в чтение и потерял счет времени. Когда он оторвался от чтения, комната остыла, а зарницы освещали окна и с необыкновенной ясностью вырывали деревья на улице из темноты. Дросте два раза чихнул. Он не мог себе позволить простудиться во время важного процесса. Он зевнул и отложил Пеншо. Минуту он простоял около письменного стола, просматривая записи, сделанные им для следующего дня, и тут увидел записку о том, что нужно оплатить газовый счет. Он погасил свет и отправился в спальню.

На ночном столике горела лампа, но Эвелина очевидно уснула. Он сообразил это только тогда, когда обратился к ней с замечанием по поводу газового счета, и искренно пожалел о том, что разбудил ее. Ее лицо на подушке выглядело маленьким и усталым. Он все еще каждый вечер поражался, глядя на ее волосы. До рождения Берхена она носила их длинными, и они свешивались через край кровати, заплетенные в две тяжелые косы, блестевшие от того, что их так много расчесывали. В клинике ей обрезают волосы, так как ей было слишком уютно лежать в постели с такой тяжестью на голове. Теперь они напоминали серебристые нити, обрамлявшие ее лицо, как нежный мох. Их вид наполнил Дросте нежностью, в то время как он вел себя, как настоящий муж, и сделал мягкий выговор по поводу неоплаченного газового счета. Потушив свет, он вдруг испытал страстное желание взять Эвелину в свои объятия, совершенно раствориться в ней, забыв фрау Рупп, забыв все на свете, заснуть вместе с ней... Действительно, ее тонкое, теплое тело приблизилось к нему и осталось у него в руках. Осторожно обняв ее, он ощутил нежный изгиб над ее бедрами. Но, несмотря на то, что он внимательно следил за каждым, самым легким ее движением, он не почувствовал в ней ответной дрожи.

– Устала? – спросил он, чтобы испытать ее.

– Очень! – последовал ответ.

Дросте не вздохнул. Он прислушивался к собственному дыханию и к биению своего сердца, постепенно разочарованно успокаивавшемся. Он почувствовал тоску, но, как он внезапно обнаружил, это была тоска по Марианне. Марианна была сильна. Марианна была хороша. С ней можно было утомиться и наконец получить возможность заснуть. Рука, настороженно лежавшая на подымавшейся и опускавшейся груди Эвелины, ослабела, и Эвелина отодвинулась дальше, в свою собственную постель.

В окне мелькнула зарница. Фрау Рупп. Процесс. Марианна. Эвелина. Милая Эвелина. Фрау Рупп. Подушка нагрелась. В воздухе чувствовалась гроза. Он не мог спать. Он не мог заснуть. Свидетели обвинения... «Где вы были в день смерти вашей матери?...» Полубезсознательное состояние...

Дросте очень осторожно протянул руку. Высунув кончик языка, он без малейшего шума открыл ящик ночного столика. Ощупью он старался найти веронал. Он прислушался к дыханию Эвелины. Его совсем не было слышно. Теперь таблетки веронала были уже у него в руке. Он нашарил стакан с водой, набрал воды в рот и запил веронал быстро, как будто это было постыдным и запретным действием. Потом снова прислушался. Эвелина беспокойно дышала, не так, как во сне.

– Эвелина... ты спишь? – спросил он. Никакого ответа. Звук дыхания на соседней кровати совсем прекратился. Дросте вздохнул, повернулся и постарался заснуть.

4. Среда. Он

Когда Франк Данел среди дня приехал в Париж, шел дождь, мелкий, серебристый, кокетливый дождь, бывший очень к лицу городу. Франк перевел часы по парижскому времени. До заседания оставалось как раз два часа. Отель, в котором он всегда останавливался, находился за палатой депутатов на маленькой сонной Плас де ла Бургон. Франк не любил больших отелей близ Этуаль, всегда битком набитых американцами. Кроме того, однажды он прожил здесь больше года и с тех пор регулярно останавливался здесь. Он довольно хорошо, хотя и с признаком Нью Орлеанского акцента, говорил по-французски и чувствовал себя в Париже совсем, как дома. Мадам, владелица отеля, была очень обрадована его появлением в маленьком вестибюль. Отправившись на короткий срок в Берлин, он оставил часть своего багажа в Париже, и потому его приезд походил на возвращение домой. Конторщик протянул ему письма и телеграмму. Лифт ремонтировался, довольно обычное явление в «Отеле де Бургон», и Франк пешком взбежал по лестнице к себе в номер.

Телеграмма была из Санта-Барбары. Пирсон, его управляющий, сообщал низшую цену, по которой калифорнийские апельсины могут быть отправлены во Францию, Франк нахмурился, глядя на телеграмму, и подсчитал в уме. Яблоки из Британской Колумбии вытеснили на рынке европейские яблоки, он не видел никаких причин, по которым то же не могло произойти и с апельсинами. Само собой, Франк был не очень высокого мнения о фруктах, которые он продавал. Он не считал их замечательными фруктами их единственным достоинством был их сок. Но они были вкусны и дешевы. А хорошо поставленная рекламная кампания может в конце концов заставить многих признать всю благотворность стакана апельсинового сока, выпитого перед завтраком. Распаковывая свой бритвенный прибор, Франк уже составлял текст объявления на целую страницу.

Письмо от Пирл из Лондона. Там по-видимому все было в порядке. Кое-как нацарапанная открытка от Марион: она ждала его телефонного звонка. Телеграмма от Пирл, тоже просившей его позвонить. «Пожалуйста, позвони в 7 час. веч. Клеридж». Характерно для Пирл всегда ясна и точна.

Калифорнийские апельсины все же не могли сравниться по цене с испанскими и сицилийскими. Кроме того европейские апельсины были лучше по качеству. А затем нужно было принять во внимание ввоз из северо-африканских колоний. Нужно было решить, что будет лучше, выпустить ли их на рынок в первый год с убытком или окончательно бросить всю затею. Франк не любил бросать что бы то ни было. Он предпочитал рисковать. Это гораздо больше волновало, напоминало гигантскую игру в покер. Все время, пока он брился и принимал ванну, он в уме производил расчеты и подсчеты. Франк обладал способностью оперировать в уме шестизначными числами, подсчитывая их быстро и безошибочно, хотя ему вовсе не давалась высшая математика. Апельсины, ящики, доллары, франки – ими он мог жонглировать и орудовать по желанию. Выйдя нагишом из ванной в спальню, он набросал ряд цифр на листке отдельной почтовой бумаги с адресом отеля и не со всем удачным портретом его владелицы.

Лакей Андре, принесший ему холодный завтрак, живо и горячо приветствовал его. Франк оделся и закусил не присаживаясь, потом закурил сигаретку. Он прекрасно чувствовал себя, берлинские разочарования были забыты. С Германией в настоящее время просто-напросто нельзя было вести никаких дел – страна была слишком бедна. Франк надел пиджак, встряхнулся так, что он удобно улегся на плечах, и вызвал Пасси. Взяв телефонную трубку, он услышал голос Марион:

– Алло! Алло, Жужу!

Каким-то чудом француженки всегда находились под рукой именно тогда, когда они были вам нужны и делали как раз то, чего вы хотели от них. Франк улыбнулся в ответ на журчанье речи, раздавшееся в трубке, но разговаривая он не сводил глаз с ручных часов.

– Я не могу позавтракать с тобой, у меня это паршивое совещание с Фаррером, – сказал он, – но как только оно закончится... И пожалуйста, будь свободна вечером.

– Паша приказывает одалиска повинется, – ответила Марион из Пасси. Франк собрал свои заметки, sprysнул лавандовой водой носовой платок, быстро оглядел себя в зеркало и покинул отель. Дождь прошел и водянистое солнце блестело на вымытых улицах. Париж был охвачен живой, хотя и несколько меланхоличной весной. Когда такси переехало через мост, проехав мимо толстых торговых-цветочниц, Франк неожиданно вспомнил маленькую женщину из Берлина, Эвелину. По всей вероятности, причиной этого были ветки мимозы, связанные в большие пучки. Он вспомнил о том, что Эвелина любила мимозу. Он хотел послать ей мимозу на прощанье и забыл. Скверно.

У дома на улице Мейерберт был довольно унылый вид. Это было уже четвертое деловое свидание Франка с французскими коммерсантами и их мелочный подход к делу раздражал его. Он был слишком американцем, чтобы понять, как мог крупный синдикат ютиться в подобной трущобе. Черные вывески с золотыми буквами висели над входом. Лифта не было. Темная лестница была освещена газом. Деревянные ступеньки скрипели под ногами.

Фаррер был маленьким человечком с маленькой бородкой. Он весь состоял из четырехугольников, четырехугольными были его лоб, рыжеватая бородка, руки, грудь. Тонкая старомодная дамская часовая цепочка висела поперек его жилета. Когда он усиленно думал о чем-нибудь, он вынимал золотую зубочистку и ковырял ею у себя в ухе.

Он был необычайно весел и любезен, он обнял Франка, назвал его «мон шер» и «мон ами», – но он был в то же время черств и недоверчив. Дюбаро сидел за письменным столом и молчал. Перед ним стоял маленький ящичек, соединенный проволочками с его ушами: он был глух. Франк должен был громким голосом выкрикивать свои предложения в ящичек, и это забавляло его. Оба пригласили также своего юриста, Франшето, с узенькой красной ленточкой в петлице и манерами человека, который прекрасно знает, как играть порученную ему роль, и умеет незаметно подчеркнуть самое главное.

Разговор тянулся два часа и не привел ни к чему. Фаррорт и Дюбаро прикрывались какими-то безымянными силами, которые они называли просто «наши друзья». По-видимому, «наши друзья» вовсе не нуждались в калифорнийских апельсинах и отклоняли всякие попытки вовлечь их в рискованные эксперименты. Фаррер и Дюбаро не могли на свою ответственность повести «наших друзей» по неисследованным путям. Франк засунул руки в карманы брюк и расхаживал по комнате, в то время, как остальные глядели на него, как на ка кого-то диковинного зверя в зоологическом саду. Он изо всех сил старался увлечь их своими идеями. Но Франция, как ему указывали французы, не испытывала большой нужды в апельсинах.

– Никто не испытывает большой нужды в чем-либо. Нужно создать эту нужду. Я могу обещать вам, что через год парижанин почувствует, что он не сможет начать дня, не выпив за завтраком стакан апельсинового сока, – пел Франк Данел.

Его собеседники снисходительно улыбнулись.

– Боюсь, что эти американские методы не будут иметь успеха во Франции, – ответил Дюбаро, после того как в его ящичек прокричали хвалу рекламе.

Франк оглянулся и почувствовал, что Дюбаро пожалуй прав. Стены были покрыты засаленными, грязными зелеными обоями. На стенах не было ни единого намека на рекламу, не было даже хотя бы плаката с надписью «ешьте больше фруктов и берегите свое здоровье», как это подобало бы кабинету синдиката фруктошников. Франк был почти готов послать к черту все свои замыслы. Париж очарователен, если вы путешествуете ради удовольствия, но очень скверно действует на настроение, если приходится в нем заниматься делами. Он взглянул на

часы и решил прервать совещание и отправиться на свидание с Марион. Когда он поднялся на ноги, Франшето заикаясь высказал предложение. Франшето собственно говоря не то, чтобы заикался, но с трудом произносил слова, начинавшиеся с букв «м» или «п». Своей ленточкой ордена Почетного Легиона он ни в коем случае не мог быть обязан своему красноречию. Он предложил отложить совещание до следующего дня. Они все рассмотрят, обсудят предложение с «нашими друзьями» – может быть можно будет говорить о пробной партии калифорнийских апельсинов, если только американская компания, председателем которой являлся Франк Данел возьмет на себя уплату пошлины.

Они расстались друзьями. Все трое явно торопились. Было уже четыре часа – самое время для свидания с женщиной для француза, имеющего возможность позволить себе эту роскошь.

Франк не успел очутиться на улице, как уже стряхнул с себя свое раздражение. Он обладал способностью концентрироваться на деле так долго, как только это было необходимо, и сразу же, по желанию, переставать думать о нем. Он старательно культивировал и развивал эту способность, – одно из его качеств, за которое его любили женщины. На углу он взял такси. Женщина лет сорока, стоявшая рядом с большим пакетом в руках, быстро села рядом с шофером.

– Надеюсь месье не побеспокоит, если я возьму с собой мою тетю? – спросил шофер с подкупающей улыбкой.

Шофер был красивым парнем, и, тетя очевидно была так крепко влюблена в него, что не могла отвести от него глаз. Франк был в восторге. Каждый раз, когда он бывал в Париже, его забавляла откровенность парижан. Женщины не стеснясь, на виду у всех кормили своих грудных детей, мужчины, после мимолетного извинения, оставляли своих дам, ожидавших их на улице около уборной. И любовь на каждом углу, веселая, простодушная любовь, которую принимали, как нечто естественное.

Он остановил такси около цветочного магазина и купил для Марион фиалки. Она любила большие букеты бледных двойных пармских фиалок. Когда он платил за них, его взгляд упал на большую вазу, наполненную мимозами. Сперва у него было только такое чувство, как будто он забыл что-то милое и приятное. Бывает иногда, что мелодия или запах полны воспоминаний, в то время как самое воспоминание еще расплывчато. Но в то время, как он, наморщив лоб, стоял и ждал сдачи, его вдруг осенило: Эвелина. Он быстро вынул записную книжку с адресами. Если только он случайно записал адрес Эвелины, у нее будет сколько угодно мимоз.

– Одну минуточку, – обратился он к продавщице, смотревшей на него с выжидательной улыбкой.

Он нашел адрес, но он записал только имя Эвелины и потребовалось новое умственное усилие для того, чтобы он мог припомнить ее фамилию. Фамилия звучала очень иностранно и очень по-немецки. Когда он, наконец, восстановил полный адрес – Эвелина Дросте, Дюссельдорфер штрассе, 47, Вильмерсдорф, Берлин, – он распорядился, чтобы через берлинский цветочный магазин ей был послан большой букет мимоз, и чтобы этот заказ был сделан по телефону. Заплатив по счету, он снова сел в такси в самом лучшем настроении. Судя по выражению лица «тети», его короткое отсутствие пришлось ей как нельзя более кстати. Марион жила в красивом, сонном старом доме в Пасси, на рю де ла Помп. Консьержка отдернула занавеску и небрежно спросила:

– К мадам Гюэрман?

Франк кивнул. При помощи щедрых чаевых он почти приручил этого дракона, несмотря на то, что не был французом и не имел орденов. Флора, толстая старая прислуга, исполнявшая все обязанности в хозяйстве Марион, также встретила его неприязненно. В этом доме иностранцев не ставили ни во что.

– Хэлло, дорогая! – окликнул Франк, входя в ужасную гостиную Марион, обставленную в стиле Людовика XV.

– Здравствуй, милый, садись, как поживаешь? Как доехал, как дела? – одним духом высыпала Марион и приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Это был церемонный поцелуй, напоминавший те поцелуи, которыми обмениваются монархи, посещая дружественную страну.

– Новое платье? – спросил Франк, удерживая Марион на длину вытянутой руки.

– Что за мужчина! Ведь он замечает все решительно. А знаешь ты, что это такое? Пату. А сколько оно стоит? Угадай. Нет, ты никогда не угадаешь. Пятьсот франков. Я была там вчера в девять часов утра у них была распродажа, стояла настоящая очередь, но я очутилась в самом начале. Понимаешь, я могу носить модели – они сделаны для манекенш и всегда немножко узковаты сзади, но ты же знаешь, для меня это подходит... Ну, так вот, что же еще? Я надеваю платье, оно сидит хорошо, все о-кей. Цена девятьсот франков, но я бессовестно торгуюсь, и Сюзанна помогает мне. И вот – платье мое. Поди сюда, выпей коньяку. А как твои дела? Привез мне розового слона из Берлина?

Франк опустил на маленькую кушетку и чувствовал себя не совсем удобно, пока Марион делала эти попытки развлечь его. Он выпил рюмку коньяку и покачал головой. Он обещал Марион розового слона, если ему удастся продать в Берлине калифорнийские апельсины.

– Нет, к сожалению, я не привез розового слона, – сказал он.

Порывшись в портфеле, среди захваченных на совещание бумаг, он вытащил подарок, который он привез ей.

– У тебя хороший вкус, – сказала она, рассмотрев подарок. Две застёжки не очень ценные, но изящные, сделанные из полудрагоценного камня, окруженного мелким жемчугом. Она снова поцеловала его и от этого поцелуя у Франка приятно дрогнули нервы. Вошла Флора с пармскими фиалками в вазе. Мебель задрожала, безделушки задребезжали. Флора бросила критический взгляд на драгоценности через плечо Марион и снова вышла из комнаты.

– Ну, а как тебе понравились берлинские женщины? – спросила Марион, садясь рядом с Франком и ласково глядя его кончиками пальцев за правым ухом. – Ужасны они? Они всегда ходят в галошах?

Франк недовольно крикнул. Он видел этот замечательный экземпляр германской женщины чемпионку берлинского теннисного клуба, видел загорелые руки и ноги Марианны и, наконец, легкую, трогательную фигурку Эвелины, ее живое лицо, ее глаза, ее трепетный рот...

– Право не знаю. Я не смотрел на женщин, ответил он.

– О, поди! – насмешливо и скептически воскликнула Марион.

– Честное слово. Я жил как монах.

Марион взглянула на него и стала серьезнее.

– Интересно... – медленно произнесла она.

Франк налил себе еще коньяку. Внезапно Марион очутилась у него в руках, опираясь на его колено. Ее губы в легких дразнящих поцелуях скользили по его лицу.

– Лев, которого не кормили целую неделю, – прошептала она, подчеркивая слова поцелуями.

Он взял ее на колени и поцеловал долгим, ищущим поцелуем.

– Ты думал обо мне в Берлине? – шепнула она.

– Нет, ответил Франк.

– Ты рад, что вернулся? Тебе не доставало меня?

– Нет, ни чуточки.

Марион встала и потянулась. Она улыбнулась ему лукавой улыбкой и направилась к дверям. Когда она скрылась в дверях спальни, Франк поднялся, пригладил волосы, глубоко вздохнул и последовал за нею.

Квартира мадам Гюэрман состояла из трех комнат. Рядом с гостиной, прекрасной по своим пропорциям комнаты в три окна, обставленной ужасной золоченой мебелью, обтянутой шелком цвета слегка подгнившей клубники, находилась маленькая темная столовая, по словам Марион – в нормандском стиле, и спальня с ее гордостью настоящей староанглийской кровати. Это была кровать с четырьмя высокими колонками, небольшим балдахином из кретона и действительно замечательным матрасом. В Америке такую кровать можно было бы купить в любом мебельном магазине, но Франк с почтением узнал, что кровать была настоящей английской и являлась в Париже ценной редкостью. С годами он даже привязался к этой кровати, как привязываются к дачному месту, которое регулярно посещают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.